

Лучшие романы
об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Шакалы

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов

Шакалы

«ЭКСМО»

1996

Леонов Н. И.

Шакалы / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1996 — (Гуров)

Поначалу полковник Гуров не хотел заниматься делом банкира Горшкова. Заурядное дело – обеспечить безопасность дочери финансового магната – можно было бы доверить и не таким асам московской милиции, как легендарный Гуров. Но обычное дело привело Гурова на самые высокие этажи власти, где коррупция, «клановые» интересы, непомерные политические амбиции и холодный расчет подготовили почву для преступления иного масштаба – покушения на жизнь президента страны. Но на пути у заговорщиков оказался непотопляемый сыщик – Лев Гуров...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Леонов

Шакалы

Глава 1

В России каждому известно, что понедельник – день тяжелый. Даже если в рот не берешь спиртного, физически чувствуешь себя превосходно, все равно в первый день недели работать не хочется, что вполне естественно, даже машину, прежде чем ехать, некоторое время прогревают, хотя она и железная. Ну, а коли в выходные было выпито, о понедельнике лучше не говорить. Сам старик Даль таких слов бы не нашел.

Конечно, лучше, чтобы наша история начиналась в другой день, известно, лучший день недели – пятница, но против правды не попрешь. Наступило двадцать второе января, в воздухе мельтешили снежинки, их было немного, вели они себя нерешительно, полагалось бы опуститься на землю, но снежинки никуда не спешили, безмятежно порхали, прилипали к лобовому стеклу автомобиля, люди, у которых автомобиль отсутствовал, поднимали воротники, и именно там, за воротниками, снежинки стремились найти свое последнее пристанище.

Старший оперуполномоченный уголовного розыска полковник Гуров снял короткую дубленку, сильно ударил ею по двери своего кабинета, постучал ногами и переступил порог.

Станислав Крячко, тоже полковник-важняк и друг, уже сидел за столом и якобы писал.

– Добрый день, Станислав, – сказал Гуров, вешая дубленку на угол дверцы шкафа.

– Ты начальник, – Крячко с довольной улыбкой отложил ручку, потянулся, – если этот чертов день изволишь именовать добрым, я согласен.

Гуров еще раз топнул, сбивая снег с ботинок:

– Неужели у двери нельзя положить коврик?

– Воруют, могу украсть у соседей, так ведь если только гвоздями прибить. Тебя Петр просит зайти.

Начальник главка генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов был другом оперативников. Судя по тону Крячко, никакого ЧП не произошло, и Гуров недовольно спросил:

– Не сказал, чего требуется? – Он подошел к своему столу, перевернул листок календаря, на котором был нарисован знак вопроса, попытался вспомнить, что данный знак означает, не вспомнил.

Крячко бросил папку в стоявший в углу сейф, щелкнул замком, подошел к другу, снял с лацкана его пиджака несуществующую пушинку, продекламировал:

– «Как денди лондонский одет...» Идем.

– Тебя тоже звали?

– Нет, боюсь, ты заблудишься.

Кабинет генерала находился через две двери от кабинета сыщиков.

– Когда тебя выгонят из конторы, пойдешь на эстраду, у тебя улыбка естественная, а остроумие там не в моде.

Гуров был старше Крячко на четыре года, выше на полголовы, но Станислав ухитрялся смотреть на друга и начальника снисходительно, даже сверху вниз. Гуров был очень талантливым сыщик, но житейски отличался наивностью и полным нежеланием ладить с начальством. Генерал Орлов, хотя и являлся начальником главка, к категории начальников не относился, Гурова понимал, любил, втайне завидовал его простоте в обращении с сильными мира сего. Секрет силы и смелости Гурова был крайне прост: он занимал должность на несколько порядков ниже той, что заслуживал, и ни один министр не мог с сыщиком ничего сделать. Его можно лишь уволить, но такими специалистами не бросаются. Ведь ни один главврач не уволит уни-

кального хирурга лишь потому, что у него неуживчивый характер. А не дай бог, с близким родственником несчастье произойдет или с кем из окружения Президента, к кому за помощью кинешься, скальпель доверишь?

– Лев Иванович, прошу, о вчерашней передаче помалкивай, мы менты, политика не нашего ума дело, – сказал Крячко, открывая дверь в приемную Орлова.

Вчера вечером в передаче «Итоги» интеллигентно, но откровенно высекли Президента. Уничтожение села Первомайского, где окопались чеченские террористы, удерживающие заложников, обсуждалось в газетах и на телевидении всю неделю, и силовыми министрами называлось операцией по освобождению заложников и расценивалось как безусловный успех федеральных сил и суровый урок генералу Дудаеву. Вчера в «Итогах», когда все сказанное Президентом и сделанное военными министрами за минувшую неделю показали и озвучили последовательно, то произошел конфуз. Выяснилось, что Президент постоянно говорил глупости и неправду, а многозвездные генералы творили беспредел, совершали преступления.

Крячко прекрасно знал: Гуров тяжело воспринял происшедшее и не преминет свою точку зрения высказать. Если в кабинете, кроме генерала Орлова, никого не будет, то все нормально, пусть Лева что угодно говорит, Петр отмолчится, может сказать, мол, занимайся своим делом, не суй нос куда не положено. Но в кабинете генерала могут находиться журналисты...

– Мальчики! – воскликнула секретарь генерала Верочка. – Вам бы лучше пойти в буфет. Только что пришел Бардин, чудится, разговор проходит на басах.

Генерал-лейтенант Николай Ильич Бардин был заместителем министра, курировал уголовный розыск, ни черта в сыском деле не смыслил, но мужик был приличный, последнее время начал захаживать в кабинет своего подчиненного.

Станислав Крячко высказывал предположение, что зам прячется от прессы, которая осаждает его целыми днями.

– Пойдем от греха! – Станислав подтолкнул друга к двери. – Министр в этом деле увяз, я слышал, как рядовой боец костерил его по ящику.

– Мы розыскники, к войсковым операциям отношения не имеем, – ответил Гуров. – Верочка, меня вызывали, доложи. Пусть генерал решает, нужны мы ему сейчас или нет.

– Верунчик, не делай этого, – быстро сказал Крячко.

– Полковник Гуров не появлялся? – раздался из динамика голос Орлова.

Верочка нажала кнопку и ответила:

– Полковники Гуров и Крячко только вошли, Петр Николаевич.

– Пусть заходят, – сказал Орлов.

– Ну, пошли, сказал приговоренный, укладываясь на плаху. – Крячко открыл тяжелые двойные двери.

– День добрый, господа генералы, – сказал Гуров, входя в кабинет.

– Здравия желаю, – произнес Крячко из-за плеча друга.

Бардин, как обычно в элегантном штатском костюме, молча кивнул. Орлов привстал из-за стола, протянул подчиненным руку.

– Здравствуйте, присаживайтесь, – и строго взглянул на Гурова, пока тот не успел отправиться на свое любимое место у окна.

Гуров понимающе улыбнулся, сел на один из жестких стульев у стола для совещаний – сыщик не терпел мягкие гостевые кресла. Около месяца назад у него с заместителем министра произошел жесткий разговор, и, несмотря на то, что они симпатизировали друг другу, Бардин с того дня держался с Гуровым отчужденно. Начальник не желал первым делать шаг к примирению, а сыщик на подобные мелочи просто не обращал внимания.

– О политике говорить не будем. – Орлов привычно закрыл лежавшую перед ним папку, отодвинул в сторону, словно очищая место для поля боя.

– Ясное дело, мы не политики, а уголовники, – поддержал начальника Крячко.

– И безопасно, в политике стоит губами шевельнуть, дерьмом захлебнешься. – Гуров вынул сигареты, глянул на Орлова, получив его молчаливое разрешение, закурил. – Министра жалко, вроде стоящего мужика получили, вляпался, теперь нового жди.

Сыщик разговаривал так, словно замминистра в кабинете и не присутствовал. Бардин болезненно поморщился:

– Лев Иванович, вы вроде человек воспитанный.

– Мой отец, между прочим, генерал-полковник, в деревне своими руками сарай строит, – ответил Гуров. – У бати лишний топор, Николай Ильич, всегда найдется.

– Поговорим о деле. – Орлов на секунду прикрыл глаза, вынул из папки конверт, протянул Гурову: – Взгляни, пока ты топор в руки не взял, это по твоей части.

Гуров поднялся, взял конверт, осмотрел, сказал утвердительно:

– Пальцы уже смотрели.

– Наверное, – насмешливо ответил Орлов. – Письмо принес Николай Ильич, получил от адресата.

Конверт был нестандартный, заграничного производства, без марки и почтового штемпеля.

– Люблю анонимки. – Гуров вынул из конверта сложенный вчетверо листок, развернул, посмотрел бумагу на свет, лишь потом прочитал: «Уважаемый Юрий Карлович, поберегите дочь». Подпись была неразборчива, тем не менее Гуров сказал: – Автор – человек смелый, ничего не боится. У Юрия Карловича отец немец? И кто он такой, Николай Ильич?

– Горстков, – ответил Бардин. – Горстков Юрий Карлович на сегодняшний день в России финансист первой величины. Очень порядочный человек.

– Сам признался? – безразлично спросил Гуров, протянул письмо Станиславу, который взял конверт, не открывая, положил на угол генеральского стола.

– Я вас за год с лишним узнал достаточно, – сказал Бардин. – Потому не вызвал, а пришел сам, прошу отнестись к делу серьезно.

Неожиданно в разговор вмешался Крячко:

– Мы люди серьезные, господин генерал-лейтенант, на нас бессмысленно оказывать давление. Если Петр Николаевич приказывает, а Лев Иванович может приказ выполнить, мы расшибемся, но расстараясь. Я не читал, но, как понимаю, здесь угроза либо предупреждение. Горстков не просто финансист, мультимиллионер, он фигура политического окраса, пусть им занимается соответствующая спецслужба.

Бардин поднялся, кивнул Орлову:

– Извините, Петр Николаевич. – И вышел из кабинета.

– Станислав, черт тебя подери! Бардин замминистра, пришел за помощью, на самолюбие наступил! – повысил голос Орлов. – Чего тебя понесло, меру надо знать!

– Когда Президент влезает в дерьмо, так элитные подразделения в чистом поле расстреливают! – начал было Гуров.

– Молчать! – Орлов шарахнул кулаком по столу. – Вы офицеры, существует субординация! – Он передохнул, потер ладонями лицо. – Черт меня дернул дружить с вами!

– Черт тебя дернул двадцать лет назад, – спокойно ответил Гуров. – Ты тогда не был большим генералом. А приказать ты тогда мог и сегодня можешь. Ты прикажешь, мы будем выполнять, согласно субординации. Это дело личное? – Он указал на конверт, кивнул Крячко: – Прочти, хотя там ничего нет нового. Если бы такую бумажку получил зачуханный инженер, то дежурный по отделению милиции выбросил бы ее в мусорную корзину.

– Юрий Карлович Горстков финансирует предвыборную кампанию одного из кандидатов на пост Президента...

– Я понял, Петр Николаевич, – перебил Гуров, – но должен соблюдаться хотя бы элементарный порядок. С подобными угрозами обязана разбираться служба безопасности, а не

милиция. Петр Николаевич, дорогой мой, я не характер показываю, а чертовски не хочу лезть в политическую драку.

Гуров смотрел на друга проникновенно, старался говорить как можно мягче, но фразы получились у него рубленые, резкие.

– Я тебя прошу, объясни Бардину, что это не наше дело, по-доброму объясни, ты умеешь. Мы же к этой среде и агентурных подходов не имеем, и подвести некого.

– Понимаю, ты прав, – тихо ответил Орлов. – Но Николай Ильич не от хорошей жизни сюда пришел. И дело не в том, что он наш шеф, мне выслуживаться поздно. Так что, мальчики, прекратим дискуссию, забирайте конверт, занимайтесь. Ты, Лева, навести Горсткова, потолкуй, как ты умеешь, а Станислав займется дочкой – где она учится, круг общения, прочее. Удачи, вы свободны.

* * *

Гуров созвонился с финансистом, который пригласил сыщика в офис, но полковник предпочитал разговаривать в домашней обстановке, о чем и заявил со свойственной ему прямотой.

– Вообще-то я дома не принимаю, – ответил Горстков.

Гуров молчал, рассчитывая, что человек сам сообразит, что слово «принимаю» к данному случаю не подходит. И Горстков опомнился, быстро заговорил:

– Извините, заработался, давайте пообедаем где-нибудь.

– Спасибо, я предпочитал бы разговаривать в вашем доме, – сказал Гуров. – Желательно, чтобы и дочка ваша присутствовала.

– Юлия? Сожалею, но ее нет в Москве. Я отправил ее за пределы, думаю, так будет разумнее.

– Возможно, – согласился Гуров, которому нравился мягкий, уверенный голос собеседника. – Диктуйте адрес, назовите удобный для вас день и час.

– Сегодня, – не задумываясь, ответил финансист. – Сейчас взгляну, что у меня на вечер... Так, это можно отменить. Девятнадцать часов вас устроит? – И назвал адрес.

– Договорились.

– Прислать машину?

– Можно, – согласился Гуров, не любивший ездить вечером по незнакомому маршруту. – К министерству, в восемнадцать тридцать.

Он положил трубку, взглянул на сидящего напротив Крячко, сказал:

– Твоя пассия где-то загорает, папаша упрятал подальше от греха. Голос у мужика хороший, но видится мне, что он маленький, в очках, подкаблучник, нашего возраста. Вторая жена, высокая, надменная красавица, капризная дочь, которая не работает, не учится, ищет себя в этой жизни, пока бездумно тратит папины деньги.

– Чего злишься? – удивился Станислав. – Девушки в Москве нет? Прекрасно. Я наше бумажное хозяйство пока разберу, все руки не доходят.

– Писать никто не любит, а я так терпеть не могу. – Гуров открыл сейф, бросил на стол папку, на которой было написано «Разное». – Поработаем до шести, потом ты отправишься домой, а я неизвестно куда и зачем.

* * *

Даже талантливый сыщик – лишь человек, порой тоже ошибается. Гуров описал Горсткова, жену, их дом с точностью до наоборот. Единственное, что он угадал, так это шикарную иномарку – просторный «БМВ», и охранника, молчаливого жилистого парня лет тридцати.

Жил миллионер не в пригороде в шикарной вилле, а в переулке у проспекта Мира, в довольно затрапезном доме, подъезд которого не только не охранялся, но и одна из дверных створок просела, скособочившись.

Гуров обил с ботинок снег о шербатую ступеньку крыльца, спросил стоявшего за спиной охранника:

– А новые петли поставить сил нет?

– У меня другая профессия. – Парень потянул скрипнувшую дверь, пропуская Гурова на плохо освещенную лестницу.

Рядом с лестницей имелся узкий проход, упирающийся в облезлую дверь, видимо, дворничью либо подсобку, где хранились лопаты, метла и прочая хозяйственная утварь. Гуров отшвырнул ногой пустую бутылку, шагнул к двери, она оказалась запертой, но замок был несерьезный – защита от пацанов младших классов. Гуров осмотрел грязный пол, пыльную лампочку, молча прошел к лифту.

Охранник позвонил явно условным образом, Гуров прикрыл ладонью дверной глазок, но открыли сразу и ничего не спрашивая.

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста, – хозяин скупно улыбнулся.

Он был выше Гурова, тяжелее килограммов на десять, может, и более, в костюме, белой рубашке и галстук.

– Добрый вечер, Юрий Карлович. – Гуров пожал широкую мощную ладонь, взглянул хозяину в лицо, решил, что ему около пятидесяти и в молодости он увлекался спортом, возможно борьбой, и прошел в квартиру.

В прихожую вошла крупная, еще красивая женщина, примерно ровесница мужа.

– Здравствуйте, здравствуйте. – Она радушно улыбалась, одета была со вкусом, но просто, по-домашнему. – Очень приятно, я Нина Дмитриевна, знаю, что вас зовут Лев Иванович, проходите в кабинет, я пока накрою. Вы борщ любите?

– Спасибо, Нина Дмитриевна. – Гуров прошел за хозяином довольно узким коридором в просторную комнату, обставленную добротной, отнюдь не модной и не шикарной мебелью.

– Располагайтесь, курите. – Хозяин подвинул к краю стола массивную пепельницу, открыл встроенный в книжные полки бар. – Что предпочитаете? Хотя выбор у меня не шибко богатый.

– Я пока воздержусь. – Гуров сел на стул с обтянутым кожей сиденьем и высокой прямой спинкой. Этот стул и остальная обстановка напоминали сыщику кабинет отца – все основательно, прочно. Ничего лишнего. Огромный письменный стол, два кресла и диван кожаные, далеко не новые, возможно, старинной работы, позже реставрированные. Всего два телефонных аппарата, тоже не новомодные. На приставном столике компьютер, но явно не как дань моде, просто рабочий инструмент, а у одного из двух окон мощный фикус, который стоял на полу и подпирался здоровенной палкой.

Хозяин налил себе граммов сто водки, кивнул, молча выпил, закусил долькой лимона.

– Появится желание – не стесняйтесь, – он указал на бар и сел за стол, с неприязнью глядя на лежавшие бумаги, сложил их в кожаную папку, спросил: – Лев Иванович, вы считаете угрозу реальной?

– Я профессионал, Юрий Карлович, но человек, а не провидец. Просчитать ситуацию невозможно, не хватает информации. – Гуров смотрел в глаза хозяина, пытаясь разобраться, насколько искренен сидящий за столом человек.

– Вы меня в чем-то подозреваете?

– Большой, возможно достаточной, информацией обладаете вы и ваша дочь, – ответил Гуров, игнорируя вопрос хозяина. – Я еще не передавал записку графологам, но даже моих скромных знаний в данной области достаточно, чтобы предположить, что автор – мужчина

с сильным, уравновешенным характером. Автор не вашего окружения, полагаю, он человек военный, скорее всего, офицер контрразведки.

– И все это вы выяснили на основании написанных человеком нескольких слов? – Горсткову было не смешно, однако он улыбнулся.

– Все это очень просто. – Гуров долго мямл сигарету, наконец закурил. – Все сказанное мной достоверно, если сама записка не является фальсификацией.

– Не понял. Какой фальсификацией?

– Возможны варианты. Различные варианты. Например, вы никакого письма не получали, написали его сами.

– Вы понимаете, что говорите?..

– Фу! – Гуров выпустил сильную струю дыма. – Меня постоянно обвиняют в том, что я чего-то не понимаю. Совершенно справедливо, я не понимаю множества вещей. Но в своей профессии я человек не последний. Юрий Карлович, вы богаты?

– Что? – Хозяин опешил. – В наших кругах подобный вопрос просто неприличен.

– Тогда и решайте свои проблемы в ваших кругах. Сейчас вы разговариваете с ментом. Я сыщик, у меня свои понятия о приличии. Какую сумму вы можете выложить на стол через два-три дня.

– Я могу выписать чек. – Горстков понял мысль сыщика и рассмеялся. – Вас интересует, сколько я могу заплатить за свою дочь? Много, практически все. Но мои капиталы не так просто превратить в наличность, тем более в Москве.

– Конкретно, Юрий Карлович.

– Конкретно... – Хозяин прикусил ноготь большого пальца, задумался. – Люди очень не любят платить наличные деньги. Я могу ошибиться, думаю, что за два-три дня я миллионов пять долларов собрать сумел бы.

– Чертовски много. – Гуров покачал головой. – Следовательно, похищение вашей дочери с целью получения выкупа – вещь реальная.

– Юлия без охраны нигде не бывает.

– Юрий Карлович, вы меня удивляете, а вид у вас такой умный.

– Внешность бывает обманчива. – Горстков улыбнулся через силу.

– Вы бы дверь в подъезде распорядились починить да лампочки вымыть.

– Прошу к столу, кушать подано, – сказала хозяйка, появляясь в комнате.

Стиль убранства, обстановка, сервировка стола, да и сам обед были выдержаны в духе дома и никак не соответствовали представлениям Гурова о жизни и быте миллионеров. Большая, не заставленная мебелью столовая, массивный, старомодный, наверное, даже старинный стол, тяжелые стулья, у стены огромный комод, видимо, даже не отцовский, а дедовский. Хрусталь, фарфор, серебро, но ничего не сверкает, не бросается в глаза, впечатление, что все предметы знают свое место и занимают его испокон веков.

Хозяева угощали, но настойчиво не потчевали. Гуров выпил рюмку водки, закусил холодцом, от второй рюмки отказался, съел один маринованный огурчик, поблагодарил, никакой дискуссии не возникло, хотя чувствовалось, что в доме поесть любят.

– А я грешен. – Юрий Карлович опрокинул очередную рюмку, положил на тарелку изрядную порцию салата. – Нина в курсе происходящего, так что вы, Лев Иванович, можете говорить свободно.

– А мне пока сказать нечего. Благодарю, Нина Дмитриевна, мне достаточно, – сказал Гуров хозяйке, которая наливала борщ.

– Эту квартиру мы купили двадцать пять лет назад на ворованные деньги...

– Юрий! – одернула мужа хозяйка.

– Я лишь цитирую прокурора. – Юрий Карлович собрался налить себе еще водки, но жена забрала у него рюмку. – Да, в тот раз мне впаляли пятерку, хотя статья позволяла значи-

тельно больше. Но так как не доказали ничего, а освобождать из зала суда в те годы не умели, то дали пятерик. Меня обвиняли, что я имею собственный завод. С дирекцией, профсоюзной и партийной организациями... Процесс был уникальный. Квартиру не конфисковали, так как она была куплена на имя тестя. Так мы здесь и живем, нас чудаками считают. А заводик, который мне в семьдесят третьем клеили, я недавно купил. Можно сказать, почти даром забрал.

– Лев Иванович наверняка все о тебе знает, не хвастайся. – Хозяйка смотрела на мужа с гордостью.

– Нет, я справок на Юрия Карловича не заказывал. – Гуров доел свой борщ. – Нина Дмитриевна, борщ был великолепный. А заводик, иная хозяйственная деятельность для меня – китайская грамота. Я уголовник, узкая специализация. И, кстати, ваше дело, если оно реально существует, в ведении управления охраны, а не уголовного розыска.

Спокойное, волевое лицо хозяина скривила гримаса, он забрал у жены свою рюмку, снова выпил, некоторое время молчал, чувствовалось, что он с трудом сдерживает гнев, наконец сказал:

– В интересной стране живем, к кому ни обратишься, все попадаешь не по адресу.

– Родителей не выбирают. – Гуров следил за реакцией хозяйки, которая была бледна, но держалась спокойно.

– Я позвонил в милицию, сказал, что мне нужен лучший сыщик. – Юрий Карлович уже полностью справился с волнением, говорил спокойно. – Вы, Лев Иванович, выяснили, деньги у меня имеются, вы можете получить любой аванс, тратить его по своему усмотрению.

– Обратитесь в сыскное бюро, там найдутся отличные парни, знающие дело не хуже меня. Они возьмут ваши деньги с удовольствием, будут работать на совесть.

– Я слышал о вас, Лев Иванович. Если существует опасность для нашей дочери, мы хотим, чтобы делом занимались именно вы, с министром я договорюсь. Если вам требуется помощь сыскного бюро, не стесняйтесь в расходах, никаких отчетов мне, естественно, представлять не требуется.

– Хозяин – барин, я подумаю. Вместе с Ниной Дмитриевной мы обыщем комнату вашей дочери, затем я переговорю с вами и дам ответ.

– В нашем доме не принято...

– Нина! – прервал жену хозяин. – Коли Лев Иванович возьмется за работу, он будет делать что считает нужным. Ты меня хорошо поняла?

Даже Гурова покоробил резкий, безапелляционный тон Горсткова. Сыщик увидел, как сникла и на глазах постарела хозяйка, понял, что семейный обед, благодушие и умиротворенность семьи – просто маска, которую люди носят многие годы. И неплохие люди, возможно, очень даже хорошие, но отнюдь не такие спокойные и простые, и, как говорят англичане, в их семейном шкафу тоже спрятан скелет.

– Как скажешь, Юрий Карлович, – мадам склонила голову. – Желаете кофе или сразу приступим к обыску?

– Уважаемая Нина Дмитриевна, я желаю стакан коньяку и никогда в жизни не проводить обысков, – ответил Гуров. – Только я забыл то время, когда делал, что желал. Однако от чашки кофе не откажусь, и, не откажите в любезности, дайте мне фотокарточку вашей дочери. Снимок, на котором она не слишком красивая, максимально похожа на себя.

Хозяйка поставила перед Гуровым чашку кофе, но дружеского тона не приняла:

– Мы пойдем к Юлии в квартиру, там ее фотографий – на любой вкус.

– Налить? Желаете коньяку? – Хозяин поставил перед Гуровым стакан, взял со столика бутылку.

– Юрий Карлович, я много чего желаю, – и, отставив стакан, отпил кофе. – Вы симпатичные люди, дом у вас превосходный, работать мне здесь не хочется до чертиков.

– Отчего так? – Хозяин тоже отказался от спиртного, начал пить кофе.

– Вы принадлежите к определенным кругам, мне придется туда лезть, на меня начнут жаловаться министру. Я это уже проходил, знаю и не люблю.

– Постараюсь облегчить вашу жизнь, шепну кому следует, на вас жаловаться не рискнут.

– Возможно, вы знаете, как из рубля сделать сто долларов, а какая комбинация складывается из трех пальцев, вам неизвестно. Я ничего не решил. – Гуров поднялся.

* * *

Дочь жила в соседней квартире. Когда Гуров переступил порог, сыщику почудилось, что он шагнул с московских улиц на парижские бульвары. Квартира была обустроена сверхсовременно, походила на дорогой номер пятизвездочного отеля. Слегка гудела вентиляция, пахло дождем и хорошими духами.

Сыщик взглянул на безукоризненно чистые ботинки, вошел и опустился на изящный хрупкий диванчик.

– Присядьте, Нина Дмитриевна, поговорим, я пообвыкну в новой обстановке. Здесь красиво, но в вашей квартире мне уютнее, – сказал Гуров. – Скажите несколько слов о вашей дочери. Вы дружны?

– Вам больше нравится у нас, так как вы, как и мы, старомодны. Но эту квартиру оформляла не Юлия. Муж купил квартиру семье, которая здесь жила, позвонил в какую-то фирму, явился представитель, принес рекламные проспекты, дочка ткнула пальчиком, через некоторое время получила ключи. Вы скажете, что у богатых свои привычки. А зачем нужны деньги, если не доставлять себе удовольствие? – Супруга миллионера прошлась по комнате, включила торшер, верхний свет она зажгла, когда они только вошли в квартиру.

Гуров разглядывал висевший на стене портрет миловидной девушки с простоватым русским лицом, но очень красивыми загадочными глазами и пышными длинными волосами.

– Сейчас Юлия пострижена коротко, – сказала Горсткова, – в жизни она не так красива, но обаятельнее.

– Сколько девочке лет?

– Двадцать четыре.

– Была замужем?

– Почему была? Может, она и сейчас замужем?

Гуров не ответил, прошел в спальную комнату, в центре которой располагалось квадратное ложе колоссальных размеров, потолок в спальне был зеркальным. Хозяйка смутилась, нажала какую-то кнопку, и потолок помутнел, стал голубоватым. Гуров отодвинул левую стенку, равнодушно взглянул на шкаф с бесчисленным количеством вешалок с платьями, костюмами и иными нарядами, одно отделение занимали шубы и куртки. Сыщик произвольно отметил на воротнике одной из шуб то ли торговый чек, то ли квитанцию.

– Вы так проводите обыск? – спросила женщина.

– Пока только знакомлюсь. – Гуров вздохнул. – Понадобится – проведем обыск. – И направился на кухню.

Кухня и туалетная комната походили на интерьеры домов из мексиканских сериалов, которые порой попадались сыщику на глаза, когда он переключал программы. Телевизоров в квартире оказалось четыре, холодильника только два.

– Покажите, пожалуйста, бар, письменный стол и сейф, – сказал Гуров, ненавязчиво наблюдая за хозяйкой и решая, она действительно не обеспокоена сложившейся ситуацией или невозмутимость опять же лишь масочка, которая на секунду соскочила, когда муж повысил на женщину голос?

Бара оказалось тоже два. Одна стойка выдвигалась из стены гостиной, второй миниатюрный бар был вмонтирован в трельяж, расположенный в спальне. Все бутылки, бокалы были

тщательно протерты. Гуров непроизвольно улыбнулся, подумав о ребятах из НТО, которые занимаются пальцевыми отпечатками. Сыщик отметил, что содержимое баров разнообразнее, чем в кабинете хозяина. Естественно, ведь еще Рокфеллер говорил, что у его сына папа миллионер, а сам Рокфеллер круглый сирота. Судя по содержимому баров, в квартире бывали мужчины, выпить умели.

Крышка письменного стола крепилась под книжной полкой, при необходимости откидывалась. Хозяйка продемонстрировала, как это делается, зажгла и погасила свет над столом, сказала:

– Сейфа в квартире нет, Лев Иванович.

– Вы говорили, дом построен в семидесятом, я бывал в подобных, но никогда не видел, чтобы в квартире бывали такие просторные кухни и туалетные комнаты, – сказал Гуров, оглядываясь. – Удобно, красиво, но непривычно. Квартира перестраивалась?

– Изначально она была трехкомнатной, теперь комнаты две, таким образом увеличили кухню и ванную. Хотите что-нибудь выпить, кофе, чай?

– Спасибо, если можно, чашку кофе. – Гуров осмотрел стену между ванной и кухней и без труда выяснил, что глубина встроенного шкафа не соответствует ширине его стенки.

– Нина Дмитриевна, вы не знаете о тайниках дочери или не хотите их показывать? – Гуров постучал по стенке шкафа, которая отзывалась металлическим гулом. – Вы, собственно, с какой целью меня пригласили?

– Лично я вас не приглашала.

– Тогда извините за беспокойство. – Гуров поклонился и направился к двери.

– Лев Иванович! – Женщина бросилась к Гурову, он вежливо, но решительно отстранился.

– Извините, я в таких играх не участвую. В любой семье свои сложности, решите взаимоотношения с мужем, тогда поговорим.

– Я вам объясню...

– Простите! Я готов вас выслушать только в присутствии Юрия Карловича.

– Но это невозможно!

– Это ваши проблемы! – Гуров вышел, позвонил в соседнюю дверь.

Открыл знакомый охранник. Гуров был зол на себя, на ментовское начальство, готовое служить большим деньгам и политикам любых мастей, потому взял парня за отворот фирменной куртки и сказал:

– Если против хозяина что-либо предпримут, тебя убьют первым!

– Мысль интересная, – произнес Горстков, стоя в дверях своего кабинета. – Я надеялся, что Нина займет вас надолго, и сел работать.

Гуров оттолкнул растерявшегося парня, прошел в кабинет хозяина, коротко объяснил ситуацию.

– Женщины для того и существуют, чтобы рожать, любить и плести интриги. – Сыщик взглянул на миллионера, благодушная улыбка которого исчезла. – Мне плевать, сколько у вас миллионов, в данном случае и министр мне не указ. Меня можно только уволить, заставить заниматься делом, которое мне не нравится, никому не удастся...

– Извини, Лев Иванович, – перебил хозяин. – Моя вина, в собственном доме заблудился, но я быстро разберусь. Перейдем на «ты», не возражаешь? Мать твою!.. Мозги все время в другой банке валяются... Бабы у меня хоть и с придурью, но обе хорошие, добрые и честные, это я тебе как мужик мужику говорю. Не думай, коли я муж и отец и мыслю о делах, так совсем дурень. По мелочи они, конечно, меня обманывают, так кто без греха? О сейфе я знал, да забыл, мне мастер, который мастерил, втихую шепнул. Сейчас откроем, считаешь, там может быть что-то важное?

– Ничего я не считаю. – Гуров закурил. – Я не хочу участвовать в семейных разборках. Оружие делают, чтобы стрелять, сейфы, чтобы хранить нечто от чужих глаз, я должен на это нечто взглянуть. Возможно, там любовные письма и прочие женские секреты.

– Сейчас выясним. – Горстков вышел из кабинета, вернулся с женой, которая взглянула на Гурова презрительно. – Оказалось, что дочь не оставила ключ от сейфа, забрала с собой. Я распоряжусь, завтра сейф откроют.

Гуров поглядывал на Нину Дмитриевну, на скулах которой проступили красные пятна, думал о том, что следовало не торопиться, уговорить женщину отдать ключ, а не подключать мужа. Откроем сейф, выясним, что у матери и дочери был общий любовник, и сыщик Гуров станет абсолютным победителем. Он был крайне недоволен собой, все наши беды от наших компромиссов. Нельзя было соглашаться изначально. Упереться. Петр дня два молчал бы, обзывая «господином полковником», но все проходит. А Бардин? У него забот хватает, да и видимся нечасто. В эту квартиру прислали бы другого, и все дела.

– О чем задумался? – спросил Горстков.

– Корю себя за слабохарактерность, – ответил сыщик. – И за прямолинейность. Человек моей профессии не может говорить то, что думает.

– Сейф откроем завтра, – хозяин взглянул на жену. – Женщины – наше счастье и беда.

– Хорошо, хорошо. – Гуров беспечно махнул рукой. – Почти наверняка ничего интересного я там не обнаружу. Я так уперся, характер выказывал, объяснял вам, уважаемые, кто с сегодняшнего дня в доме главный. Ты, Юрий Карлович, руководи в своей империи, твоя жена командует в своей вотчине, я решаю вопросы, какие сочту необходимыми. Если вас такое положение устраивает, я попытаюсь с письмом разобраться, потребуется наша помощь – расстараясь. Мои условия понятны?

– Понятны, – неохотно произнес Горстков, взглянул на жену, которая молча кивнула. – Только в данном доме хозяин уже имеется. И с характером у него все в порядке.

– А ты, уважаемый Юрий Карлович, представь, что находишься под надзором врачей. Либо выполняешь их требования, либо отказываешься. Мне без тебя больных хватает.

– За горло берешь?

– Обязательно. – Гуров кивнул.

– Если я соглашусь, можно считать, мы договорились?

– И каждая из сторон может расторгнуть договор в любой момент, не объясняя причин.

– Кабальный договорчик. – Хозяин с сомнением покачал головой.

– Подумай, проконсультируйся, тебя никто не торопит. – Гуров улыбнулся, взял со стола бутылку виски, посмотрел на свет, поставил на место.

– Прекрасно! А мне шептали, с тобой договориться невозможно.

– Наговаривают.

– Вижу. – Хозяин согласно кивнул. – Через пару дней я тебе дам ответ.

Гуров тоже кивнул, взглянул на часы:

– Ты не понял, Юрий Карлович, ты мне дашь ответ через пять минут, а через пару дней ты волен разговаривать с кем угодно.

Горстков резко встал, чуть не уронил тяжелый стул.

– Сейчас ты заявишь, что я не понимаю! – опередил сыщик хозяина. – Я не понимаю, какой ты могущественный человек, что никто и никогда не смел разговаривать с тобой в подобном тоне. Ты, уважаемый, сядь, иначе встану и уйду я.

Финансист опустил на стул, на его скулах вздулись желваки.

– Ты юрист, а в смысл слов не вникаешь. Я тебе никакого договора не предлагал, лишь спросил, мол, мои условия понятны? Они либо принимаются, либо нет, но обсуждению не подлежат. Еще я сказал, что ты можешь посоветоваться. Нина Дмитриевна рядом, а кроме нас, о данном разговоре знать никто не должен. Мальчику, что изображает охранника, скажешь, что

консультировался со мной об организации охраны своего офиса. Если вам надо поговорить, я выйду на кухню.

– Круто! – Горстков вытер платком лицо, отошел к окну, раздвинул жалюзи, смотрел на темный, подсвеченный тусклыми окнами город.

Гуров улыбнулся хозяйке, даже слегка подмигнул, успокаивающе махнул рукой, мол, ничего, все образуется. Мадам вымученно улыбнулась в ответ и вздохнула.

– Значит, ты считаешь, что все очень серьезно. – Хозяин вернулся к столу. – Да выпей ты, черт побери!

– Налей.

– Ты говоришь, чтобы, кроме нас, никто ничего не знал. – Горстков выпил рюмку, утерся тыльной стороной ладони. – А твои генералы?

– Бардин до смерти боится генерала Коржанова и будет молчать. Двое остальных – мои друзья, они хранили секреты погорячее.

– Хорошо. Банкуй! С чего ты начнешь?

– Мы с Ниной Дмитриевной вернемся в квартиру Юлии, позже мы с тобой кое-что обсудим.

* * *

Хозяйка сидела на диванчике, Гуров рассказывал по мягкому паласу в гостиной и говорил:

– Со временем, Нина Дмитриевна, вы ко мне привыкнете, я не так плох, как выгляжу.

– Уверена, вы отличный человек, такого бы мне зятя, – ответила женщина, которая держалась уже менее скованно.

– Я буду говорить банальности, но такова жизнь, все оригинальное давно сказано. Когда вы раздеваетесь у врача, то чувствуете себя комфортно, нормально. Доктор не способен выслушать вас иначе. Меня интересует ваше белье, причем грязное белье, чистое мне совершенно ни к чему.

– Это ужасно!

– Отвратительно. Я четверть века копаюсь в грязном белье, крови и испражнениях, порой мне кажется, что от меня и пахнет соответствующе. Итак, в каких отношениях вы с дочерью?

– В разных, в одних вопросах мы самые родные, в некоторых совершенно не понимаем друг друга. Извечная проблема отцов и детей. Юлия – человек современный. Я выросла в бедности, а у нее папа – миллионер.

– И вам непонятно, как можно купить дорогую шубу и ни разу ее не надеть?

Нина Дмитриевна удивилась, но ничего не спросила, только резко сказала:

– Мне непонятно, зачем нужна пятая шуба? Непонятно, как можно не работать, практически ничем серьезным не интересоваться. Вы согласились бы жить в такой квартире?

– У дочери есть постоянный мужчина?

– Когда она улетала в Париж, то был.

– Он вам нравится?

– Юлия два года назад вышла замуж, тут же развелась, потом женихи приходили, уходили... Вот Виталий задержался. Он мне нравится, нормальный парень, интеллигентный, из скромной семьи. Но долго он не выдержит, терпения не хватит.

– Ему не нужны деньги?

– Виталию крайне нужны деньги, но свои деньги. Он практически не разговаривает с мужем, отказался, когда Юрий предложил ему работу.

– Молодой самовлюбленный дурак, но с годами эти недостатки проходят, – рассмеялся Гуров. – От интересной работы мужчина не должен отказываться. Однако не мне судить. Я

подобных вопросов в жизни не решал, но в свое время мой отец был большим начальником, мы жили в провинциальном городе, все знали, что я сынок... Я страшно переживал, возможно, именно по этой причине пошел в милицию, стремился стать личностью. – Гуров рассмеялся. – Сейчас чуть ли не первый дерьмовоз России.

– Зачем же вы так? – растерянно пробормотала хозяйка. – Вы сильный, красивый мужчина... Специалист...

– Не любим называть вещи своими именами. У меня нет комплексов, каждый делает, что умеет. Вы откройте сейф; что Юрию Карловичу не положено, он не увидит. Это будет наша с вами маленькая тайна.

– Я уже сказала...

– Нина Дмитриевна, мне прекрасно известно, что женщины редко признаются в своих ошибках. Но ведь лучше, если мы с вами лишнее из сейфа уберем.

– Почему вы так уверены?

– Профессия. Что выросло, то выросло.

Ключ лежал в «тайнике», в одной из вазочек, стоявших на туалетной полочке. Гуров сдвинул фальшивую стенку шкафа, отпер железную дверцу. В сейфе лежали тетрадь и два плотных конверта. В одном из них находилась солидная пачка долларов, сыщик их вынул, пролистал, осмотрел конверт и увидел в нем иголку. Он осторожно вытряхнул ее на носовой платок, завернул и убрал в карман.

Нина Дмитриевна находилась в гостиной, ничего не видела. Игла, которую обнаружил и спрятал сыщик, была от шприца. В другом конверте находилась пачка любительских фотографий Юлии Горстковой. На некоторых девушка была обнаженной, Гуров невольно отметил, что фигура у нее прекрасная. Толстая тетрадь была личным дневником девушки, последнюю запись сделали в декабре девяносто пятого года. Гуров положил деньги и фотографии на место, дневник взял, вышел в гостиную.

– Нина Дмитриевна, невинные фотографии вы можете забрать, дневник возьму я, супругу скажем, что я нашел ключ от сейфа. Ложь пустяковая, так как я бы его обнаружил мгновенно.

– Эти снимки, вы не представляете, что было бы...

– То я не понимаю, то не представляю, – перебил женщину сыщик. – Работаю столько лет, и все дурак дураком.

– Огромное вам спасибо, Лев Иванович.

– Пустяки, Нина Дмитриевна, еще сочтемся, – улыбнулся Гуров.

* * *

Финансист и сыщик сидели в кабинете и смеялись над тем, как «хитро» был спрятан ключ от потайного сейфа. О фотографиях Гуров промолчал, а что забирает дневник дочери, сказал. Конечно, сыщик не обмолвился, что обнаружил иглу от шприца.

– Вопрос не относится к делу, Юрий Карлович. – Гуров грел в ладонях бокал с коньяком, но не пил. – Скажите, зачем человеку второй миллион?

– Как? – удивился хозяин. – Миллион долларов – пустяк, на жизнь не хватит.

– Я не о том, вопрос теоретический, ну скажем, зачем второй миллиард? К чему деньги, которые вы не способны истратить? Вы работаете, – сыщик указал на лежащие на столе бизнес-смена бумаги. – Работаете по двенадцать часов в день, делаете деньги, которые вам не нужны. Зачем?

– Деньги как таковые мне давно не нужны, – ответил Горстков. – Мне нужны положение, власть, самоутверждение, в конце концов. Стремление доказать себе и окружающим, что я и ЭТО могу. У большинства людей отношение к деньгам чисто потребительское. Ботинки,

костюм, квартира, вилла, яхта, женщина, в общем, все, что можно купить. Бизнесмен стремится к расширению своего влияния, власти. Здесь нет края. Александр Македонский завоевывал мир. Наполеон...

– Гитлер, Сталин, понятно. – Гуров отставил бокал, закурил. – С общечеловеческой точки зрения, вы человек больной и несчастный.

– Меня обзывали по-разному. – Бизнесмен задумался. – Несчастный? Мысль интересная. Диоген жил в бочке и был счастлив. Философствуя о счастье, мы далеко уйдем.

– Нельзя объять необъятное. Вы стремитесь достичь горизонта, бежите, плюетесь кровью, надрываете жилы...

– Но искоренить преступность – тоже химера.

– Как и покончить с болезнями, но врач способен помочь конкретному человеку и стать счастливым. Ладно, – Гуров махнул рукой. – Вы любите свою дочь?

– Идиотский вопрос!

– Отнюдь! Масса людей достаточно равнодушна к своим детям, а некоторые собственных детей просто терпеть не могут.

– Я нормальный человек, люблю свою дочь.

– Вопрос о вашей нормальности оставим, а дочь, значит, любите. Следовательно, человек знал, куда ударить.

– Вы считаете угрозу реальной?

– Так же, как и вы, уважаемый Юрий Карлович. Зачем-то вы обратились к замминистра внутренних дел. Или реальная угроза, либо идиотская шутка, неуклюжая попытка вывести вас из равновесия. Я вас знаю мало, но, судя по всему, вас трудно вышибить из седла.

– Возможно, все проще? Девочку собираются похитить и получить выкуп? Деньги. Все упирается в деньги. А вы говорите, зачем второй миллион?

– В вашем бизнесе мне не разобраться. – Гуров помолчал. – Врагов у вас, как у сучки блох, просчитать невозможно. Большинство своих врагов вы просто не знаете. В последние месяцы вы начинали какое-то дело, крупный проект, из которого вас хотят выкинуть либо вынудить к принятию определенного решения?

– Большое и новое? – Горстков взлохматил волосы. – Такого не было, а склонить меня в ту или иную сторону пытаются постоянно.

– Естественно, – пробормотал Гуров. – В какой партии вы состоите?

– Состоял. Когда арестовали, исключили, больше никуда не вступал, – рассмеялся Горстков.

– За кого голосовали в декабре?

– За «Яблоко». Какое это имеет значение?

– Деньги давали, сейчас кому-нибудь давать собираетесь? Кого вы собираетесь поддерживать в июне?

– Они сами не могут определиться.

– Значит, либералы-демократы...

– Так не коммунистов же и не Бисковитого? Вы что, полагаете...

– Не исключаю, – перебил Гуров. – Президентские выборы – событие огромного значения. Вы – представитель капитала, у вас имеются союзники, то есть вы серьезная сила.

– Усложняете, просто хотят украсть дочку и отнять у меня кусок.

Гуров взглянул на собеседника испытующе, тихо спросил:

– Вы обучаете меня профессии?

– Лев Иванович, дорогой, не дай бог! – Горстков перекрестился. – Я навел о вас справки, знаю, что вы в своем деле профессор. Я потому и обратился к Николаю, а не к Илье Сергеевичу, так как хочу, чтобы моим делом занимались именно вы, сыщик Гуров.

– Спасибо, черт вас подери, неоценимую услугу оказали.

– Лев Иванович, мы перешли на «ты».

– Как хочешь называй, только в печь не засовывай. Я могу объяснить, хотя и не обязан, почему я склоняюсь в сторону политики, а не чистой уголовщины. Если некий уголовный авторитет решил отнять у тебя кусок, то знает об этом только он. Исполнители получают задание украсть человека и отвезти по адресу. Кто и с какой целью может написать тебе? Если это политика, то круг осведомленных шире и причин предупредить тебя больше. Почему написано рукой, а не на компьютере? А потому, что, если вы выиграете, автор может объявиться и сказать: «Уважаемый Юрий Карлович, я всегда был вашим сторонником и в отношении дочки предупреждал».

– Черт побери, мне подобное в голову не приходило. Ну, ты умница, слов нет. Да выпей ты, Лев Иванович, что ты по рюмке размазываешь?

– Ты во время работы употребляешь?

– Случается.

– Врешь, случается, когда мосты наводишь; когда решение принимаешь, то никогда. Иначе бы у тебя были лишь запасная пара штанов и геморрой.

– Ты такой умный родился?

– Я четверть века тренировался. Все! Закончили! – Гуров выпил свой коньяк. – Мне нужны наличные деньги, пока тысяч пятьдесят. Одному в таком деле не справиться. Нужны люди, транспорт, техника. В общем, тебя это не касается.

– Может, больше? – Горстков выдвинул ящик стола, положил перед Гуровым пять пачек долларов.

Сыщик рассовал их по карманам, спросил:

– Ты когда последний раз разговаривал с дочерью?

– Сегодня. Мы общаемся ежедневно.

– Где она?

– В Париже. – Горстков назвал отель.

– Мне нужна для двух человек французская виза и два билета. Паспорта я передам тебе завтра к вечеру.

– А Бардин не способен?

– Официально ты обратился ко мне за помощью в усилении охраны своего офиса. Я завтра во второй половине дня побываю, заодно взгляну, как в действительности обстоят дела в данном вопросе. Пойдем, я раскланяюсь с твоей супругой.

Глава 2

На следующий день Крячко выслушал рассказ друга и сказал:

– У тебя удивительная способность искать приключения на свою жопу. Кто бы за данным делом ни стоял, но очень скоро мы столкнемся с ребятами из контрразведки и с парнями Коржанова. У Президента деньги на предвыборную кампанию найдутся, но тебе прекрасно известно: в верхах, как нигде, ревностно следят, чтобы никто не совался на их грядки.

– У нас имеется легенда прикрытия, – ответил Гуров не очень уверенно. – Мы проверяем систему охраны коммерческой структуры.

– Лева, ты один умный, все остальные лишь прохожие. Как только генералу доложат...

– Станислав, ты представляешь, сколько дел в Управлении охраны Президента? И с каждым днем там будет все горячее. Нужны им наши ментовские забавы?

– Я вчера наводил справки о нашем клиенте. – Крячко открыл лежавшую на столе папку. – Сколько у него денег, естественно, никто сказать не может. Налоговая инспекция разговаривать отказалась, нужен официальный запрос. Но нам его доходы ни к чему, тем более что данные только по России. Мне удалось узнать, он имеет дела с тремя крупнейшими компаниями в Европе и с одной в Америке. Он фигура с большой буквы, когда узнают, что мы крутимся рядом... – Станислав вздохнул, закрыл папку, махнул рукой. – И на хрена козе баян?

– Ты частные сыскные агентства знаешь? – спросил Гуров. – Вернее, ты знаешь наших ребят, которые в частных конторах пристроились?

– Кое-кого, можно уточнить.

– Уточни, повстречайся, надо двух человек отправить завтра в Париж. Найди двух подходящих ребят, заведи у них паспорта, естественно, заграничные, и тащи сюда.

– В Париж? Завтра? – Крячко почесал в затылке. – У меня паспорт в полном порядке.

– Я за тебя рад, но ты побудешь пока в Москве. Желательно, чтобы один из парней мог объясняться на каком-нибудь языке, кроме русского.

– А как с латынью? Если он будет трепаться на латыни, тоже неплохо? – Крячко очень хотелось увидеть Париж, потому оперативник продолжал ерничать. – Каждый нормальный опер свободно владеет греческим.

– Обязательно. – Гуров улыбнулся. – Договорись с каким-нибудь сыскным бюро, что мы будем брать у них машины, оплата по их таксе наличными. Сегодня нам нужны двое, завтра ты начнешь собирать команду – человек шесть-восемь.

– Чего их собирать? Последний раз в цирке с нами работали прекрасные парни.

– Нет, Станислав, они действующие менты, мы их одалживали, – возразил Гуров. – Вчера нам людей дали, завтра не дадут. Нам нужны бывшие, сегодня свободные. Мы сохраним ребятам деньги, которые они получают, в случае удачи выплатим премиальные. Задача у тебя сложная. Станислав, попытайся стать на время серьезным.

– Не могу, – Крячко развел руками. – Шибко серьезные попадают в психушку. – Он напоминал Гурову, что во время проведения последней операции у друга произошел нервный срыв и сыщика двое суток продержали в койке под капельницей, кормили химией.

– Тебе необходимо совместить несовместимое. – Гуров старался не улыбаться. – Надо найти сыщиков, которых ты знаешь лично, мы должны быть гарантированы от утечки информации. Раз ты человека знаешь, значит, он не молодой, битый опер. При этом он должен уметь носить модную одежду, чувствовать себя свободно в дорогом ресторане, ночном казино.

Станислав задумался, перестал хитро улыбаться, даже погрузнел.

– Такое в кино хорошо, с подобными требованиями тебе не я, а старик Хоттабыч требуется. Сорокалетний мент, он мент и есть, и одежка у него соответствующая, и на морде написано, и объясняется он только на двух языках, которые всей России понятны.

– С таким заданием можешь справиться только ты, даже я не осилю. Поэтому ты не летишь в Париж, работаешь дома.

– Ну, ты себя не топчи, захотел бы, так людей набрал.

– Возможно, но хуже тебя. Во мне хорошей простоты не хватает, гонору много. И люди меня помнят хуже, моя фамилия либо неизвестна, либо стала вроде ругательства. Мол, ты, Гуров, опустишь на землю, много воображаешь...

– Действительно, воображаешь, но мы привыкшие. – В глазах Станислава вновь сверкнуло озорство. – Нескладно получается, начальник. Парней нужных я разыщу, носом асфальт подыму, но достану. А дальше? Ты будешь свои мысли думать, я у парней буду вроде за старшего. Только они станут омаров в дорогих кабаках трескать и за непомерный труд в долларах получать, а я твоими пельменями давиться и своей благоверной бумажную зарплату приносить? Такое положение по справедливости?

– Ты еще шагу не сделал, а языком...

– Нету меня! Я исчез, испарился! – Крячко схватил свою куртку, но только рванулся к двери, как зазвонил телефон.

Гуров жестом остановил друга и снял трубку.

– Москва? – произнес мелодичный женский голос. – Господина Гурова спрашивает Вена.

– Гуров слушает.

– Здравствуй и не кричи, я же не с Арбата звоню, слышно прекрасно. Еланчук. Ты искал меня?

– Здравствуй, Юрий Петрович, как здоровье, семья?

– Спасибо, Лев Иванович, все нормально. Тебе привет от Пьера.

Юрий Петрович Еланчук некогда работал во внешней разведке, позже судьба всячески его мытарил, сейчас он служил в Интерполе. Прошлой осенью Еланчук со своим шефом Пьером Руссо был в Москве, предупредил российские спецслужбы, что в России может появиться известный своим цинизмом и жестокостью террорист. Гуров его выявил и взял. Ночью, анализируя ситуацию, вспомнил Еланчука, позвонил, оставил ему сообщение.

– Юрий Петрович, предположительно завтра я посылаю в Париж двух своих парней. Они не полицейские, документы – лишь паспорт, знание языка и обычаев – сам понимаешь. Сейчас в Париже отдыхает наша соотечественница, – Гуров назвал фамилию, имя и отель. – Ты распорядись, чтобы до прибытия моих девушку понаблюдали, скорее охраняли, опасаясь похищения.

– Хорошо. Девушка, случаем, не дочь Юрия Карловича? – спросил Еланчук.

– Случаем, дочь. Моих ребят надо встретить, удобно разместить, снабдить картой города и необходимой техникой...

– Оружие я дать не могу, мы живем не в России.

– Ты тоже хороший человек. Ребят надо одеть, но не по вашей моде, так, чтобы они не светились.

– За мой счет?

– Вчера из Малаховки приехал, а уже скупердй. Не мандражи, деньги я дам. Сам проводи до самолета, мы здесь встретим. В случае чего, не давай полиции издеваться над мальчиками...

– Хорошо, хорошо, – перебил Еланчук. – Я тебе ночью домой позвоню, скажешь дату вылета и номер рейса.

– Спасибо, и тебе не болеть. – Гуров положил трубку, взглянул на Крячко. – Ты еще здесь?

Станислав ушел, а Гуров начал заниматься самым нелюбимым делом – писать отчеты, рапорта, прочую бумажную мутотень, приводя в относительный порядок свою «бухгалтерию». Он бы наплевал и не мучился, но не хотел подводить Орлова. Если в отсутствие Гурова запросят наверх какую-нибудь папку и обнаружат в ней непорядок, то выговаривать начнут генералу.

Около пяти позвонила Верочка – секретарь Орлова, сказала, что полковника Гурова приглашает к себе замминистра Бардин. Судя по отчужденному голосу девушки, сыщик понял, что в приемной посторонние, которых Верочка не жалует.

– Здравствуй, кури, – сказал Бардин, когда Гуров вошел в кабинет.

– Здравия желаю, спасибо. – Гуров прекрасно понимал, что начальство вызвало его без конкретного дела, узнать, не разругался ли вздорный полковник с магнатом.

Чтобы не ставить человека в ложное положение, не вынуждать врать, выворачиваться, сыщик беспечно сказал:

– Спасибо, Николай Ильич, что вызвали, можно сказать, спасли. Осточертело писать бумаги, да и посоветоваться хотел.

Может, и разгадал генерал нехитрый прием подчиненного, так как был далеко не глуп, но виду не подал, кивнул:

– Слушаю, Лев Иванович, давать советы – самое легкое и безответственное занятие.

– Начнем с того, что опасность дочери Юрия Карловича угрожает вполне реальная. Тут мы подсуетимся, хотя никто в наше время не застрахован. Люди и техника мне не нужны. – Гуров умышленно сделал паузу, давая возможность задать никчемный вопрос.

И Бардин не удержался, спросил:

– Вы вдвоем с полковником Крячко способны решить все возникающие проблемы?

– Мы не волшебники, Николай Ильич, – ответил Гуров. – Я прошу вашего устного согласия привлечь к работе, разумеется втемную, бывших сотрудников милиции, которые сегодня работают в коммерческих структурах.

– Если вы считаете нужным. – Бардин смотрел несколько недоуменно. – А почему вы хотите пригласить бывших, не хотите использовать действующих?

Гуров лишний раз убедился, что генерал, хоть и работает в милиции больше года, службы и отношений среди ментов не понимает.

– Одно дело взять людей с «земли» на день-другой... – Гуров замялся, подыскивая более мягкие выражения. – Откомандирование оперативников надолго обязательно вызовет разговоры. Люди знают друг друга, общаются, с этим ничего не поделаешь. Мы надергаем из разных структур по человечку, никто друг с другом не связан. Нет человека, где-то занят, и бог с ним.

– И долго вы собираетесь данным делом заниматься?

Гуров не отвечал, смотрел на замминистра тяжело, с сожалением. Когда молчание стало неприличным, ответил:

– Смотря какой хотим получить результат.

– Лев Иванович, вы постоянно в беседе со мной недоговариваете. Естественно, в вашей профессии я многого не знаю, но, думаю, мне можно объяснить. – Чувствовалось, что Бардин с трудом сдерживает раздражение.

– Министр нефтяной промышленности не знает, как бурить скважину. Так он подобными вопросами и не интересуется.

– Но он вправе спросить, когда ожидается нефть, – парировал Бардин.

– Спросить можно о чем угодно, трудно ответить. Мы должны обезопасить человека. Но не знаем, реальна угроза или нет. Мы способны задержать исполнителя, но не знаем, сколько исполнителей существует. Язву можно смазать антибиотиком и перевязать, но, чтобы ее вылечить, необходимо выяснить причину ее появления. Допустим, мы выясним и причину. Но нет гарантий, что, уяснив, почему появилась язва, вы, Николай Ильич, не устранились и не скажете: бросьте этого больного, занимайтесь другими делами.

– Вы считаете, я коррумпирован?

– Боже упаси! Будь у меня подобное подозрение, я бы вам не сказал ни одного откровенного слова. Но вы, как и всякий высокопоставленный чиновник, – политик. А возня вокруг человека масштаба финансиста Горсткова...

– Я понял, – перебил Бардин. – Спасибо на добром слове. – Он долго молчал, затем пробормотал: – Дерьмовая жизнь! Значит, ты полагаешь, что угроза жизни дочери Горсткова будет существовать до июня? Пока не пройдут выборы и общество не стабилизируется?

– Они проявятся сейчас, в ближайшие дни. Кому-то не хватает денег, чтобы собрать к пятнадцатому апреля миллион подписей. Если Юрия Карловича прижмут и он уступит, его на время оставят в покое, затем возьмутся за него по новой. Дочку никто пальцем не тронет, даже недоумок поймет: причины девушке вред – получишь не деньги, а могущественного врага.

– А похитить?

– Обязательно, – Гуров кивнул. – Мы постараемся, чтобы попытка не увенчалась успехом.

– Желаю удачи.

Гуров поклонился и вышел.

В кабинете сыщика уже ждали Крячко и трое мужчин, среди которых Гуров с удивлением узнал своего напарника и подчиненного Светлова Василия Ивановича. Они вместе пахали в МУРе. Светлов ушел на пенсию и работал последний год водителем в гараже министерства.

– Здравствуйте! – громко сказал Гуров, проходя к своему столу. – Чапаев, рад тебя видеть, – обратился он к Светлову. – У тебя все в норме или помощь нужна?

Гуров прекрасно понимал, что Станислав не мог пригласить бывшего оперативника, которому шестьдесят, да и в молодости он здоровьем не отличался.

– Верно, Лев Иванович, помощь требуется. Я так заглянул, чтобы ты меня в личность увидел, а подробности Станислав опосля объяснит. Всем привет и удачи. – Светлов кивнул и вышел.

– У Василия беда? – Гуров взглянул на Крячко.

– Не скажу беда, но хорошего мало. Потом объясню, ты можешь помочь.

– Значит, поможем. – Гуров подмигнул двум оперативникам, оставшимся в кабинете. – Привет, Валентин Николаевич. – Он пожал руку старшему из присутствующих. – Я рад тебя видеть, но, признаться, удивлен, считал, ты уже генерал, готовишься к пенсии.

– Мы с тобой годки, Лев Иванович, – ответил уволившийся недавно полковник Нестеренко. – Я не такой крутой, как ты, однако с норовом, потому пришлось выйти за дверь.

– Верно, годки, – кивнул Гуров. – А я все себя молодым считаю. Что со временем происходит, просто летит. – Он говорил, разглядывая соратника. – Время – не наш клиент, не догонишь, не удержишь.

– Ты не крути, Лев Иванович, я не стригунок-первогодок. – Отставник хрустнул узловатыми пальцами. – Тебя интересуют мои проблемы? – Он щелкнул себя по горлу. – Верно мыслишь, было дело, считай, до края дошел, однако устоял. Считай, года два как я в порядке.

– На химии или на характере? – спросил Гуров.

– На характере.

– Значит, можешь выпить стакан, остановиться и завтра не болеть.

– Избегаю, но могу.

– Сняли вопрос, остальное я о тебе знаю, рад видеть, поработаем.

– Спасибо. – Отставник с достоинством кивнул.

– А ты... – Гуров посмотрел на второго опера, мужчину лет тридцати пяти. – Не подсказывай, сам вспомню. Дело Хрустального... Марьяна Роща, лет двенадцать минуло, ты опером в отделении шустрил. – Он поморщился, затем улыбнулся. – Илья Карцев! Илюшка! Ты тогда на чердак по пожарке поднялся...

– Верно, Лев Иванович! – рассмеялся Илья. – Через год мы еще...

– Бегемота на Казанке брали, – подхватил Гуров. – Ну ты заматерел, еле вспомнил. А чего ушел? Или сыщики в розыске уже не нужны?

– Нужны – не нужны, никто не знает, – ответил Карцев. – Только я одного разбойника перед Новым годом повязал, а парень очень в тюрьму не хотел. Я его помял малость, а он, сердешный, племянником оказался. Мне утром начальство объясняет, мол, обознался я, и стрелял парень другой, и пушку я не у того выбил, а на снегу нашел. Я отвечаю: очков не ношу, зрение в норме, имею свою точку зрения.

– Ты сколько прослужил? – спросил Гуров.

– Тринадцать.

– И точку зрения не знаешь? – Гуров развел руками. – Тяжелый случай, коллега. – Он взглянул на Крячко, который кивком подтвердил, мол, информация проверена. – Будем считать, что собеседование вы прошли успешно, на работу приняты. Давайте ваши паспорта, я отъеду. Станислав введет вас в курс дела.

* * *

Дверь в подъезде дома Горсткова заменили на железную, уже поставили домофон. Гуров никогда не сомневался, что деньги решают многое, удивился, что происходят изменения столь быстро и что финансист обратил внимание на реплику мента о состоянии двери и подъезда. Нет сомнений, хозяин мужик деловой и конкретный, для которого не существует мелочей. Лампочки на лестнице были не вымыты, а заменены на более мощные, а в нише, слева от входа, оборудовали небольшую комнатенку, где вскоре сядет вахтер.

Дверь в квартиру открыл охранник, не вчерашний мальчишка, мужчина лет тридцати с небольшим. Судя по всему, он имел приметы ожидаемого гостя, смотрел на пришедшего спокойно и внимательно, приглашать в квартиру не торопился.

– Здравствуйте, Лев Иванович, – сказал он нерешительно.

– Здравствуйте. – Гуров улыбнулся. – Я имею право на ношение оружия.

– Я знаю. – Охранник посторонился. – Вас ждут в кабинете.

– Спасибо. А Нина Дмитриевна дома?

– Дома, но вас ждут в кабинете.

Горстков вышел из-за письменного стола, расправил мощные плечи.

– Здравствуй, Лев Иванович, как прошел день?

– Здравствуй, Юрий Карлович, без особых потрясений. Ты меняешь двери и охрану, я собираю людей. – Гуров положил на стол два паспорта. – Твое дело визы и билеты, моя забота, чтобы ребят в Париже не обижали.

– Даже так? У вас большие возможности, господин полковник. – Горстков скупно улыбнулся, но было заметно, что мысли его еще где-то витают, он старается сосредоточиться.

– Мучают неплатежи? – поинтересовался Гуров и практически исчерпал свои познания в сфере финансов.

– Неплатежи? – Хозяин раздраженно тряхнул головой. – Чисто российские проблемы. Глупости. Я не понимаю, зачем вы посылаете людей в Париж? Вы полагаете, что Юлию кто-нибудь посмеет тронуть?

Гуров, естественно, отметил, что хозяин вновь перешел на «вы», что сыщика вполне устраивало. Он не любил поспешного сближения с малознакомыми людьми.

– Не надо скоропалительных выводов, Юрий Карлович. В каждой профессии свои сложности и хитрости.

– Я хотел бы знать, что и зачем вы делаете?

Гуров вспомнил свой недавний разговор с замминистра, который тоже пытался вникать в подробности, понял, что и переход на «вы», и вопросы финансиста объясняются тем, что он с кем-то разговаривал о Гурове и выяснил нечто, магнату не понравившееся.

Сыщик молчал, лишь пожал плечами, сел и закурил без приглашения. Пауза затягивалась, тогда Гуров привстал, забрал со стола паспорта своих людей, положил в карман.

– Ладно, ладно, я не прав. Извините, – сказал хозяин, возвращаясь в кресло. – Нервы. Я же не знаю ваших правил игры.

– А мы ни во что не играем. Вы манипулируете деньгами и судьбами, мы рискуем судьбами и жизнями. А если у вас не в порядке нервы, не забирайтесь так высоко, голова не будет кружиться.

– Давайте паспорта, завтра к полудню и визы и билеты будут в порядке.

– Учтите, я считаю до трех, а уже два с половиной. – Гуров вернул паспорта на стол. – На кой черт вам понадобилось разговаривать с Бардиным?

– Он позвонил сам, меня удивило, что он не в курсе командировки людей в Париж.

– Человеку не следует знать больше, чем ему необходимо. Он чиновник, значит, лицо подчиненное. Ему могут задать вопрос, он будет вынужден либо солгать, или сказать правду, которую я обнародовать не хочу, – ответил Гуров и без всякого перехода продолжал: – Юрий Карлович, кого вы и ваши соратники хотите видеть Президентом?

– Генерала де Голля, – мгновенно ответил Горстков.

– Невозможно, – спокойно ответил Гуров. – Шарль не был не только в Политбюро, даже не занимал должность секретаря обкома. Народ бы ему не поверил.

– Вы правы. – Хозяин тяжело вздохнул. – Пусть остается прежний, спаси нас бог от всяких перемен.

– Значит, вы на предвыборную кампанию денег не даете. У президентской команды много нет, но деньги имеются.

– Вы на мои вопросы не отвечаете.

– Мне интересно, куда вы вкладываете капиталы, мне надо знать, на чем вас можно прихватить. Если я буду знать, на что давят, то узнаю, кто давит.

– Ни один финансист не работает в одиночку, всегда существует упряжка. Пусть я коренник, но обязан считаться с пристяжными. Иначе возок опрокинется.

– Я заглядываю слишком далеко, дурная привычка, – сказал Гуров. – Будем надеяться на лучшее. Хотя я предпочитаю знать как можно больше.

– Учитывая поездку в Париж, вы мало взяли у меня денег, – сменил разговор Горстков.

– Будете завтра разговаривать с дочерью, поинтересуйтесь, когда она собирается вернуться?

– Я переговорю с ней еще сегодня, – хозяин взглянул на часы. – Может, продлить ее вояж?

– Лучше, чтобы она не задерживалась.

– Тогда следует привлечь к делу Нину. Мать в большем, чем я, авторитете. И супруга может ее по-женски чем-то соблазнить.

– Но финансируете поездку вы, – удивился Гуров.

– У Юлии кредитная карточка, – усмехнулся хозяин. – А если ей неожиданно понадобятся наличные, то в Париже найдутся люди, которые с удовольствием выдадут необходимую сумму.

– Лучше, если ваша дочь вернется быстрее, – повторил Гуров.

* * *

Эйфелева башня стояла на своем месте.

Бывший майор милиции и старший опер угро Илья Карцев смотрел вверх, и у него слегка кружилась голова.

– В кино и по телику она не такая здоровая, – констатировал он и вздохнул. – Столько чудес на свете, мы, как кроты слепые, живем. Я прошлым годом в Болгарии был, так там наше Черное море совсем другое.

Стоявший рядом Валентин Николаевич Нестеренко голову не запрокидывал, оглядывал улицу. Заметив, что сидящий в машине Еланчук улыбается, отставной полковник сказал:

– Кончай, Илья, надо и честь знать. Человек нас встретил, по магазинам водил, возил по городу, а он далеко не мальчик.

– А где парижанки? – спросил Илья. – Чернявенькие худышки, что шастают вокруг, и есть знаменитые парижанки?

– Ты зачем прилетел, майор? – Нестеренко разозлился и подтолкнул товарища в сторону машины, за рулем которой сидел Еланчук.

Бывший полковник КГБ, ныне сотрудник Интерпола Юрий Петрович Еланчук, худощавый, ладно сложенный брунет, лет около пятидесяти, наблюдал за соотечественниками с легкой улыбкой. Так взрослый смотрит на детей, которые своим поведением особо не радуют, но что с них спросишь – возраст, да и любишь их, чертей, опять же.

Когда оперативники подошли, Еланчук легко выскочил из машины и, указывая на лежащие на заднем сиденье пакеты, сказал:

– Одежду, что мы вам купили, уложите в свои чемоданы. – Он открыл багажник.

– Как скажете. – Нестеренко взял из багажника свой чемодан и спортивную сумку. – Только к чему? Пакеты здешние, фирменные.

– Мы русские и не можем краситься, Юрий Петрович, – поддержал товарища Илья.

– Русские, русские, и пакеты фирменные, – улыбнулся Еланчук. – Только я вас повезу в гостиницу, постояльцы которой не покупают вещи в «Тати», – он указал на фирменные пакеты магазина. – Французы страшные скупердяи, но снобы.

Когда обновки переложили, расселись в машине и тронулись, Илья не удержался и спросил:

– Юрий Петрович, мы будем жить в дорогом отеле?

– Отнюдь. Обыкновенный отель, но он расположен в Латинском квартале, имеет определенную репутацию, свои обычаи и клиентов. Вы, русские, бизнесмены средней руки, вам не следует обращать на себя внимание.

Отель разочаровал москвичей своей неброской скромностью, а переулок, в котором он был расположен, мог естественно вписаться в переулки Старого Арбата или Замоскворечья. Номер был удобный, небольшой, очень чистый, пахло дезодорантом и стариной, только ванная была просторна и оборудована современно.

Еланчук, пока гости распаковывали вещи, сидел в кресле красного дерева у окна.

– Присаживайтесь, поговорим, – сказал он, когда оперативники освободились, вынул из наплечной сумки бутылку коньяку и пакет с яблоками. – Ну, по русскому обычаю, с приездом!

Илья махнул разом, Еланчук и Нестеренко лишь пригубили.

– Мы посмотрели на вашу девочку. – Еланчук посмотрел в окно. – Кремовый трехэтажный дом, ваша девчушка занимает двухкомнатные угловые апартаменты на втором этаже. – Он положил на стол черную коробочку с тремя кнопками. – Вы можете слушать ее разговоры, если она не находится в ванной. Ведет она себя достойно, интересуется искусством, бывает в музеях, книжных лавочках, объясняется на французском и немецком, пьет белое вино, с мужчинами контактна, но держит на дистанции, вчера встретила одного... Мы не можем понять, то ли они были знакомы ранее, то ли вчера познакомились. Парня устанавливают, у меня нет оперативников, приходится обращаться к услугам местной полиции, которая относится к Интерполу прохладно. Ведь ничего конкретного мы заявить не можем, только вежливые услуги. Парень русский, в Париже, видимо, один, мне он не нравится. Вам придется с ним разбираться самим.

Еланчук вынул из кармана несколько фотографий, указал на одну, на которой был запечатлен парень лет тридцати, видимо, высокого роста, спортивного телосложения, русоголовый.

– Пользуется успехом у женщин, уверенный, похоже, из наших, – сказал Нестеренко. – Вроде я его где-то видел, может, ошибаюсь, внешность у него, с одной стороны, привлекательная, с другой – как бы стандартная, без особых примет.

– Сейчас их наблюдают, но, когда девочка вернется в отель, она ваша. Я не могу одалживаться до бесконечности.

– Он не ночевал? – спросил Илья, кивнув на здание напротив.

– Нет, они расстались около одиннадцати у отеля, мужчина даже не зашел в бар. Я лично наблюдал девушку не более двух часов, сказать о ней ничего не могу, но она производит хорошее впечатление, видимо, неглупа, знает себе цену. А парень мне не нравится. Я вам дам машину с водителем, но по-русски он не говорит. И последнее, оружия у вас, слава богу, нет, но вы можете ввязаться в драку или нарушить местный закон, неизвестный вам. Учтите, полицейский в Париже – лицо неприкосновенное, с ним нельзя спорить, не следует убегать. Если вас остановил полицейский, ваша задача лишь кивать, улыбаться, объяснить, что вы не говорите по-французски, выполнять все требования. Если привезут в участок, предъявите свои паспорта и мою визитную карточку.

Еланчук вручил оперативникам свою карточку и добавил:

– Мою карточку показывайте в крайнем случае, потребуют заплатить штраф – платите без разговоров. Забыл, улицу переходите только на зеленый свет, есть на улице машины, нет, стоять и ждать.

– Дышать только через нос? – не удержался и спросил Илья.

– Не умничай, – буркнул Нестеренко, который был не только старше по возрасту и службе в розыске, но и выше товарища чуть не на голову и смотрел на «пацана» снисходительно.

Еланчук, только что говоривший назидательным тоном, беззаботно рассмеялся:

– Ребята, здесь страна очень свободная, но люди крайне законопослушны, живут по своим законам, русскому человеку здесь не все понятно, к тому же у вас проблема с языком.

– Юрий Петрович, я хотел бы заглянуть в эту гостиницу, – Нестеренко кивнул на отель, расположенный напротив. – Такое возможно? Служебный подъезд, откуда привозят продукты, в общем, сами понимаете.

– Переоденьтесь, я вас провожу, постояльцы не разгуливают по служебным помещениям, надо сочинить легенду.

– Я русский, хочу открыть в Москве гостиницу для французов, – ответил Нестеренко.

Еланчук взглянул на него уважительно, усмехнулся:

– В принципе мы должны зайти к хозяину и представиться, но русскому все простительно, тогда можете не переодеваться, пошли как есть, думаю, все будет в порядке.

– Илья, из номера не выходи, мойся, переодевайся, я быстро, – сказал Нестеренко и вышел с Еланчуком в коридор.

* * *

Юлия вышла из машины у дверей отеля. Виктор, который сидел за рулем, тоже вышел, спросил:

– Зайдем в бар, выпьем чего-нибудь?

– Устала. – Юлия даже не пыталась изобразить усталость, смотрела насмешливо. – Можно выпить у меня в номере, но я хочу отдохнуть, позвонить отцу. Будет настроение – позвони. – Она взглянула на часы. – Часа через два, около семи, погуляем, где-нибудь перекусим.

– Хорошо. – Виктор кивнул. – Я вижу, тебе нравится дразнить меня.

– Возможно, но ты не составляешь исключения. Чао! – Девушка махнула рукой и скрылась за зеркальными дверями.

– Стерва, – беззлобно произнес Виктор, сел за руль и уехал.

Юлия взяла ключ от номера, одарила портье улыбкой, в лифт не вошла, а поднялась на второй этаж по лестнице. Номер был уже тщательно убран, Юлия оглядела свои апартаменты с удовольствием и в который уже раз подумала, что жить и не считать деньги – удивительно приятная штука. Девушка сняла влажное пальто, повесила в прихожей, пусть сохнет, скинула уличные туфли, прошла по мягкому ковру, открыла холодильник, достала бутылку русской водки и сок, смешала и выпила по-мужски, залпом, после чего отправилась в ванную.

Немолодая смуглолицая горничная проходила по коридору, увидела, что в двери русской торчит ключ, неодобрительно покачала головой, вынула ключ, постучала и вошла в номер.

– Юлия! – крикнула она, услышала, что в ванной идет вода, подошла к двери и затараторила: – Юлия, сколько раз я тебе говорила, что нельзя оставлять ключ в двери и не запирается!

– Ома? – ответила Юлия и приглушила звук льющейся воды. – Ты, наверное, ругаешься из-за ключа? Не говори со мной так быстро, я не француженка.

– Ты глупая девчонка! – проворчала горничная, подняла с пола туфли, аккуратно вытерла, поставила на место, ключ插 вставила в дверь и закричала: – Я ухожу, немедленно выйди и запри дверь! Я буду стоять и слушать. Если ты не запрешься, я снова приду и буду кричать.

Юлия вышла из ванной, повернула ключ, стукнула кулаком в дверь, крикнула:

– Старая грымза!

– Ты маленькая глупая кошка, которая не знает, где ее съедят.

– Нужна кому, – сказала Юлия по-русски и вернулась под душ.

Когда она была обнаженной, то выглядела совсем иначе, любая одежда портила ее великолепную фигуру. Юлия это прекрасно знала, потому в отличие от большинства женщин не любила лежать в ванной, где тело скрыто водой и пеной, а предпочитала принимать душ, поглядывая на себя в зеркало. В этом не было нарциссизма, какой-либо патологии, девушке доставляло удовольствие убеждаться, что тело ее красиво и сексуально. Когда она надевала халат, то забывала об этом, любованье своим телом являлось лишь обычной женской и мимолетной слабостью.

Юлия была женщиной умной и далеко не ординарной, что, естественно, усложняло ее комфортную и, казалось бы, беззаботную, даже райскую жизнь.

Казалось бы, чего девушке еще не хватает? Двадцать четыре года, светлая головка, симпатичная мордашка, великолепная фигура и папа-миллионер, который ни в чем дочери не отказывает. Живи, радуйся, мучай поклонников, которых, если построить, так они стеной от Москвы до Колымы встанут.

Она родилась в достатке, а к двадцати годам перестала считать деньги, в тот год вышла замуж. История произошла самая банальная. Хитрый, не шибко умный, имевший у женщин успех мужик женился на деньгах. Юлия разобралась в муже быстро. Хотя была моложе на восемь лет, превосходила в уме, интеллекте и воспитании. Юлию оскорбило не распространенное явление, что мужчина больше всего на свете любит деньги, а его, как она выражалась, тупизм и одноклеточность. Достаточно самокритичная, она во всем винила себя, удивляясь, как не разобралась в простом мужике и кинулась в омут. Влюблена! Прекрасный сексуальный партнер! Дура стоеросовая! Идиотка! Он подвизался в бизнесе и полностью зависел от отца.

Приняв решение, Юлия усадила отца с матерью рядышком и сказала:

– Я виновата, мне и отвечать. Я помню, что вы мне намекали, я дура, клейма ставить негде. Забудем. Отец, прошу, ты его не трогай, пусть живет.

– У нас так не бывает, дочка, – ответил тогда Юрий Карлович. – Я сделаю только шаг в сторону, как его порвут.

– Значит, судьба, – сухо ответила Юлия.

Она была натурой сильной, азартной, после неудачного замужества серьезно занялась образованием, окончила журфак университета. Неожиданно Юлия оказалась в одиночестве. Студенческая компания распалась, одни бегали по редакциям и телевидению, другие выходили замуж, женились, разъехались кто куда. В подчинении отца работали молодые люди. Юлия несколько раз принимала их предложения, проводила вечера на светских тусовках. Она была завидной невестой, постоянно получала предложения, но выходить снова за человека, который стремился породниться с магнатом Юрием Карловичем Горстковым, не торопилась.

– Дочка, ты уже взрослая, – говорила мать. – Коли любви нет, то ее ни за какие деньги не купишь. И дела, призвания у тебя нет, идти секретаршей, даже в очень солидную фирму, ты не желаешь, но ведь ничего не делать в жизни – тоже со скуки помрешь. Рожай. Растить и воспитывать человека – занятие сложное, благородное и интересное.

– Кто мне дал право лишать человека отца?

– Тысячи, миллионы женщин в бедности бьются, растят детей и счастливы.

– Ты права, но я обожду, – отвечала Юлия. – Я не виновата, что отец миллионер. Тебе интересна твоя жизнь, а мне такая жизнь неинтересна. Отец вкалывает с утра до вечера, ты окружила себя вещами, которые приобрела в молодости, они тебе душу греют. Ты часами бродишь по квартире, вытираешь пыль. Тебе нет пятидесяти, ты молодая женщина, но мужики тебя не интересуют. Я тебя не осуждаю, но и не завидую тебе. Может, я к этому тоже приду.

– Ты хотя бы понимаешь, что миллионы женщин, зная наш достаток, услышав наш разговор, решили бы нас поместить в психушку?

– Ты хочешь, чтобы я ушла из дома? Как вы выражаетесь, чтобы я узнала, почем фунт лиха?

– Дочка, ты в своем уме? – воскликнула мать, и разговор закончился объятиями и слезами.

Юлия жила с родителями на одной лестничной площадке, не ссорилась, отношения установились ровные, прохладные. Отец был вечно занят, мать либо готовила и убиралась, порой ходила в гости или принимала у себя, но Юлию разговоры о тряпках, кулинарии и политике не интересовали. Молодая женщина имела все, о чем можно только мечтать, однако ее ничего не интересовало, она умирала от скуки.

Неделю назад отец вызвал ее в свой кабинет и сказал:

– Дочка, вот твой паспорт и билет на самолет, отправляйся в Париж, поживи там недельку-другую. Твоя кредитная карточка в порядке, я знаю, ты в расходах разумна. Мои деловые партнеры тебя встретят и устроят.

– Хорошо, отец. – Юлия кивнула. – Людей ссылали в места и похуже. – Она улыбнулась. – Ты, конечно, не скажешь, что случилось?

– Я не знаю, просто перестраховываюсь.

– На тебя «наехали»?

Юрий Карлович тихо рассмеялся.

– На меня нельзя «наехать». Я из этих штанишек уже вырос. Но ты моя единственная болевая точка, а береженного бог бережет.

В Париже Юлию встретили, отвезли в солидный отель, где был заказан номер, выдали франки на карманные расходы, предложили машину и гида, но она отказалась. Она здесь уже несколько раз бывала, стандартную туристическую программу проходила дважды. Юлии хотелось побыть одной. Но хорошо сложенная, со вкусом одетая блондинка, разгуливающая по улицам Парижа в одиночестве, вызывает у истинных французов недоумение. Они пытаются решить больной вопрос немедленно и в кратчайшие сроки. Юлия выдерживала постоянный прессинг, отдыхала лишь в «своем» отеле, где ее знали и относились с должным уважением.

На третий день своего пребывания в великом городе она шла по набережной Сены, разглядывала в лавочках художников различные поделки и акварели, которые в Москве можно

найти в Измайлове, а в недавнем прошлом на Старом Арбате, столкнулась с высоким плотным парнем, явно не французского покроя. Юлия мгновенно поняла, что незнакомец преградил дорогу умышленно, и раздраженно сказала:

– Ну? Места не хватает?

– Места сколько угодно, со временем плохо, – на чистом русском языке ответил парень. – Не знаю, куда девать.

– Возвращайся в Россию, садись на завалинку, лузгай семечки и играй на гармошке, – сказала Юлия.

– Это мы можем, – в тон Юлии ответил парень, пошел рядом. – Меня Витькой кличут, а вас как изволите?

– Будешь приставать?

– Буду, – решительно сказал Виктор. – Так что лучше расслабиться и не сопротивляться, а получить удовольствие.

– Витя, ты самонадеянный болтун. – Юлия остановилась, оглядела соотечественника внимательнее. – С группой и заблудился?

Виктор повернулся вокруг своей оси, как бы демонстрируя одежду.

– Один как перст, приехал по делам, но, как говорил Бендер, графа Монте-Кристо из меня не получилось. Соотечественница, не бросайте парня в беде, я хороший.

Юлия хотела было отшутиться и идти дальше, как неожиданно подумала, что парень оказался на ее пути не случайно. Русские в Париже не редкость, но молодой, рослый, симпатичный, одинокий – такого набора для случайной встречи, пожалуй, многовато. И язык хорошо подвешен, и одет нормально, держится уверенно – определенно перебор. Если появление парня связано с отцом, то мне от этого Виктора или его приятелей все равно не спрятаться. Юлия вздрогнула, заставила себя улыбнуться, протянула руку:

– Здравствуй, Виктор, меня зовут Юлия. Я тоже в этой деревне одинока. Пойдем вместе, будешь меня охранять от аборигенов.

Так они познакомились и два дня провели вместе, расставаясь лишь на пару часов, когда Юлия отдыхала в своем номере. Она постоянно думала о новом знакомом, анализировала его поведение, слова, прикидывая, что в них правда, что ложь, откуда Виктор появился, какие цели преследует.

Познакомились соотечественники в чужом городе, оба одиноки и молоды, симпатичны и умны, есть о чем поговорить. Казалось бы, все естественно, легкий курортный роман, не более того. Однако многое в Викторе Юлию настораживало. В обычной обстановке она не обратила бы на подобные мелочи внимания. Но ситуация не была обычной, отец явно выслал ее из Москвы, как бы спрятал. Закон игры: если один человек что-то прячет, другой пытается это нечто найти. Такое интересно в игре, но отнюдь не в реальной жизни, особенно если прячут человека и этим человеком является она, Юлия.

Виктор представился коммерсантом, приехал для совершения какой-то сделки, она не состоялась. Случается. Так что здесь делать? Париж, он всегда Париж. Но парень явно знает город и особой любви к нему не испытывает. Он изображает, что увлекся Юлией, но именно изображает. Она женщина, ее не обманешь, да и понятие «нравится» для мужчины не абстрактно, а весьма конкретно. Он не пытается затащить ее в постель, что естественно. Любой мужчина, если ему женщина не противна, стремится ею овладеть, позже разобратся в нюансах. А может ни в чем не разбираться, просто перейти на другую сторону улицы.

Юлия не была светской львицей, однако и наивной девочкой уже не являлась, в мужчинах разбиралась неплохо. Новый знакомый принадлежал к категории мужиков, которые женщинам нравятся, знал об этом, умел себя с женщинами вести. Он изображал влюбленность, но сблизиться пытался нерешительно, ни разу не обнял якобы невзначай, не целовал шутливо, в общем, не играл в популярную игру, мол, я тебя завлекаю, а ты якобы не знаешь, куда и зачем,

но мы с тобой взрослые люди, понимаем, что постель для разнополых существ естественна, отбросим условности, займемся любовью.

Нет, странный этот парень, Виктор, надо кончать игру, правил которой я не знаю, возвращаться домой. Юлия надела халат, прошла в спальню, уселась перед зеркалом, начала «делать лицо». Она не злоупотребляла косметикой, но кое-какие коррективы в данные, отпущенные природой, приходилось вносить. Париж великолепен, рассуждала она, накладывая тон на веки, но дома лучше, главное, спокойнее. Виктор чего-то добивается, отличная у него фигура, возможно, он неплохой любовник, но сейчас не время, да и не шибко он добивается ее любви, а Юлия к такому отношению не привыкла. К тому же отец вчера сказал, что они с матерью по дочурке соскучились и ей пора возвращаться. Надо понимать, что опасность ему лишь мерещилась. Следовало сказать отцу о странном знакомом, но мужчина с полуслова не поймет, а вести долгий, в принципе никчемный, разговор по телефону не хотелось. У нее есть обратный билет до Москвы, стоит лишь забронировать место. Надо позвонить этому клерку, как его там... Пусть распорядится и проводит. Надо что-нибудь купить родителям, им ничего не надо, так, безделки, память о Париже.

Юлия взглянула на часы, до звонка Виктора оставался еще час, можно полежать, даже вздремнуть. Он позвонит из холла, она оденется, поправит макияж, отправится по магазинам выбирать подарки родителям. Отцу давно надо сменить часы, но дешевку покупать нельзя, а дорогие, солидные проще и дешевле приобрести в Москве. Да и папочка дорогой подарок не одобрит. Маме можно купить клипсы, однако трудно угодить.

В дверь постучали. Юлия, уверенная, что явилась заботливая горничная, пробежала босиком через гостиную, сказала по-французски:

– Я послушная девочка, – отперла дверь.

В номер вошел Виктор, держа перед собой розу, словно флаг.

Юлия отступила, от неожиданности не находила нужных слов, почувствовала, что халат распахнулся и она стоит перед мужчиной голая.

– Пардон, мадемуазель. – Виктор закрыл за собой дверь, подошел к окну, давая возможность Юлии привести себя в порядок. – Одно ваше слово – и я исчезну.

– Считаю, я его произнесла. – Юлия запахнула халат, туго подпоясалась, почувствовала, что покраснела, и разозлилась: – Какого черта? Я, кажется, тебя не приглашала.

– Я понял, приглашения не дождусь, а мне страшно хотелось взглянуть, как ты живешь. Я могу убраться, но, если разрешишь, посижу тихонечко в кресле, подожду, пока ты переоденешься... А?

Юлия уже взяла себя в руки, тактичность и просительный тон неожиданного гостя тронули девушку, и она весело сказала:

– Не изображай из себя гимназиста, поставь розу в какую-нибудь вазочку и садись.

– Вы очень любезны. – Он церемонно поклонился, в этот момент в дверь снова постучали.

– Черт побери, в Париже не принято принимать мужчин в подобном виде, уйди в спальню. – Юлия направилась к дверям, но они уже распахнулись, и два молодых человека в белых форменных курточках с галунами вкатили столик, заставленный различной посудой.

Официанты улыбались, один что-то быстро говорил. Юлия возмущенно смотрела на Виктора, который продолжал неловко держать розу.

Дальнейшее происходило сколь быстро, столь и неожиданно. Один из пришедших ударил Виктора пистолетом по голове, подхватил падающее тело, бросил на диван. Второй отпихнул столик, схватил Юлию за кисть, вплеп ей сильную пощечину, выдохнул:

– Молчи, сука! Убью! – и прижал к ее губам пропитанную эфиром марлю.

Двигались они оба быстро, действовали профессионально. Один мгновенно запер дверь, второй осмотрел Виктора, убедился, что парень жив, ловко обыскал, но, кроме паспорта и тощего бумажника, ничего не нашел и, явно обескураженный, паспорт и бумажник положил

обратно. После чего «официант» вынул из кармана небольшой футляр, достал из него шприц, резиновый жгут, засучил Юлии рукав, осмотрел руку, пробормотал:

– Пока не ширяется, сучка, – перетянул руку жгутом. – Вены хороши, я уж и отвык от нормальных. – Проверил уровень жидкости в шприце, после чего сделал профессиональный укол в вену.

– Девку одеть следует, – сказал второй, откинув полу халата Юлии. – Мать твою, да она голая!

Разговор этот слушали оперативники Илья Карцев и Валентин Нестеренко, сидя в скромном «Пежо», стоявшем неподалеку от отеля. Водитель, не понимавший по-русски, сидел за рулем, читал газету. Оперы видели Виктора, который с розой в руке вошел в гостиницу, выслушали разговор молодых людей, затем начало происходить непонятное.

– Кто-то вошел и напал. Малый, – так Илья называл Виктора, – не произнес ни звука. Что будем делать, Валентин? Ты полковник, мать твою, принимай решение. Если мы сейчас туда ввалимся, что будем говорить?

– Заткнись, мы станем ждать. – Нестеренко достал из кармана визитную карточку Еланчука, тряхнул водителя за плечо, протянул карточку и показал на телефон. Водитель флегматично пожал плечами, стал набирать номер.

– Надень на нее трусы и колготки. Найди в шкафу джинсы или другие штаны, кофту, свитер. Шевелись, голую бабу не видел?

– Хороша...

Из динамика донесся удар и торопливый говорок:

– Сказал и сказал, подумаешь... Мы что же, ее на руках понесем?

– Куртку сними. Она сейчас придет в себя и поднимется, веселая будет...

– Они девчонке что-то вкололи, – прошептал Илья.

– Но, но, – водитель развел руками, указывая на карточку. – Мсье но офис.

– Кто говорит по-русски? – безнадежно произнес Нестеренко.

– Русский... Русский, – водитель залопотал на французском.

– Мы не знаем, что происходит в номере, – сказал Илья. – И почему не слышно голоса этого малого?

– Некто вошел в номер, Виктора вырубил, девчонке вкололи наркотик, думаю, они хотят ее увезти. У нас никаких прав, мы не знаем языка. Что делать? – бормотал Нестеренко.

Перед увольнением он занимал должность выше, чем Гуров, просить совета, помощи в такой ситуации было для него унижительно. Но в этом деле Гуров – старший, а в Нестеренко прочно сидел синдром советского чиновника – в сложный момент нужно заручиться указаниями старшего.

Однако Нестеренко взял себя в руки, сказал:

– Илья, отставить, не вызывай Москву, мы должны решить ситуацию самостоятельно.

– Черный ход, – пробормотал Илья. – Девчонку могут вывести через черный ход.

– Глупости! – Нестеренко уже обрел уверенность. – Это в России каждый ходит где хочет. Черный ход для прислуги и для доставки продуктов.

– Да и машина стоит на улице, – согласился Илья.

– Наша задача не дать им посадить девушку в машину. Кричать, привлекать внимание полицейского.

– Нету в округе полицейских. Это у нас менты на каждом углу.

– Не трепись, когда надо, у нас тоже не найдешь. Ты, Илья, главное, никого не трогая, размахивай руками, стой на пути и кричи. Не подставляйся под нож, стрелять они не посмеют. – Вот они! – сказал Нестеренко, выскакивая из машины.

Оперативникам повезло, они бросились сквозь поток машин на другую сторону улицы. Раздались автомобильные сигналы, послышались резкие свистки полицейского. Здоровенный

парень открыл дверцу машины, второй подвел к ней громко смеющуюся Юлию. Илья оказался быстрее напарника, подбежал первым, преградил Юлии дорогу, закричал:

– Дорогая, куда же ты? – И взял ее за свободную руку.

– Нонсенс! – сказал мужчина, который вел Юлию, и зашептал: – Садись в машину, девочка, все будет хорошо.

– Мне и сейчас хорошо! – Юлия обняла своего спутника. – Где ты был раньше?

– Ты, сука, отпусти девочку, – сказал Илья, оттирая парочку от машины.

Сидевший за рулем мужчина выскочил из машины, но дорогу ему преградил Нестеренко. Прохожие останавливались, собиралась небольшая толпа, подбежал швейцар отеля, заговорил по-французски, хотел взять Юлию под руки, но она оттолкнула его и тоже закричала на французском.

В руке мужчины, вышедшего из машины, сверкнул металл. Нестеренко отстранился и, усмехаясь, сказал:

– Я тебе кости переломаяю.

Неожиданно гвалт утих – к ним неторопливо приближался полицейский. Юлия начала ему что-то объяснять, полицейский улыбнулся, козырнул, взял девушку под руку, повел к машине. Илья, который уже решил, что дело выиграно, при таком количестве свидетелей похитители от своего намерения откажутся, на секунду опешил, затем закричал:

– Юлия! Юлия, не садись в машину!

Девушка вздрогнула, хотела обернуться, но вновь заговорила с полицейским, который, услышав незнакомую речь, сначала смешался, затем, когда Юлия заговорила, вновь улыбнулся, шагнул к машине, и тогда Илья упал на тротуар, преграждая дорогу, и заорал:

– Киднепинг! Киднепинг! – видно, он слово произносил неправильно.

Возможно, полицейский был полностью на стороне хорошенькой блондинки, которой мешал сумасшедший иностранец, только блюститель порядка схватил могучей рукой Илью за воротник, поставил на ноги, занес над его головой дубинку. Нестеренко перестал перекрывать дорогу водителю, шагнул к образовавшейся группе, и нервы у похитителя дрогнули. Он ударил кастетом Нестеренко в голову. В последний момент полковник сумел уклониться, металл лишь чиркнул по его лицу, но брызнула кровь, а этого было для полицейского более чем достаточно. Он отстранил Юлию, шагнул к дерущимся, одновременно свистнул и достал пистолет. Бандит прыгнул за руль, бросил Юлию и напарника, нажал на газ, через секунду машина уже свернула в переулок. Еще через несколько секунд подлетела полицейская машина, блюстители порядка о чем-то переговорили, и машина унеслась.

Илья держал Юлию под руку, незаметно подворачивая кисть. Свободной рукой девушка хлестала его по лицу, а опер лениво защищался и быстро говорил:

– Милая, тебя похитить хотели! Какую-то гадость тебе вкололи, ты очухайся, родная. Я друг твоего отца! Где твой ухажер? Ты своего парня помнишь? Он розу тебе недавно принес. Где он?

Подбежал запыхавшийся Нестеренко, зажимая рану на щеке, пачкаясь в крови, произнес:

– Не догнал! Годы не те, да и города не знаю! Ушел, гад!

Тут же рядом оказался полицейский, в руках у него был бинт и пластырь. Не очень красиво, но ловко полицейский залепил порез на лице Нестеренко, вежливо, но не так уж и галантно взял Юлию под руку, указал на другую полицейскую машину, подкатившую к тротуару.

– Пардон, мадемуазель.

Илья преградил им дорогу, хлопнул себя по груди, указал на Юлию, которая стала уже значительно спокойнее, сказал с непонятным акцентом:

– Мы русские. Ферштейн? Рашен! Москва!

И только к этому времени подошел водитель машины, возивший оперативников, и что-то негромко сказал полисмену.

– Ты раньше не мог подойти? – возмутился Илья, глотая матерные слова.

– Не моя работа, – неожиданно по-русски ответил водитель и пошел к своей машине.

Илья взбеленился, догнал водителя, заговорил:

– В России оперативники не делят работу на твою – мою. Иди обратно, сука! Девчонку требуется отвести в номер. Найди ее ухажера, если он еще живой, вызови свое начальство! Твоя – моя! Ты ко мне в Москву прилетишь, я тебе устрою...

– Хорошо, хорошо. – Водитель вернулся к полицейским, они начали объясняться.

– Я плохо себя чувствую, – сказала Юлия, оглядываясь. – Что здесь вообще происходит, кто вы такие?

Швейцар подхватил ее под руку, услужливо распахнул дверь. В этот момент у тротуара остановилась машина, из нее выскочил Еланчук, увидел пластырь на лице Нестеренко, раздраженно сказал:

– Все-таки вляпались. Вы полагаете, Интерпол в большой дружбе с французской полицией? Где Юлия и ее приятель?

– Необходимо, чтобы полицейский поднялся в номер Юлии, – ответил Илья. – Там что-то не так.

Виктор сидел в кресле, полицейский бинтовал ему голову. Парень плохо чувствовал себя и клонился набок.

Юлия закрылась в спальне, оперативники потихоньку смотались. Еланчук, стараясь держаться спокойно, выслушивал старшего полицейского.

– Как только вы появляетесь, у французов начинаются неприятности! – говорил он. – Эти двое русских, они ваши люди?

– Русские туристы, один из них увидел знакомую, – Еланчук указал на закрытую дверь спальни, – подошел поздороваться, тут, видимо, и произошла драка.

– Он упал на землю, кричал о каком-то похищении.

– Меня здесь не было, сержант.

– Но вы тут же появились! Мой коллега подозревает, что мадемуазель находится в состоянии наркотического опьянения.

– Вы здесь старший, вам решать, – флегматично ответил Еланчук.

– Кто этот человек? – Полицейский указал на Виктора. – Он ранен. Я должен допросить даму, которая проживает в номере.

– Вы отличный парень и слуга закона, действуйте. – Еланчук понизил голос: – Хочу вас по-дружески предупредить, что мадемуазель – дочь русского бизнесмена, который связан с вашими банками, появится адвокат. – Он пожал плечами. – Нападавшие скрылись, найти их трудно. Мадемуазель сейчас плохо себя чувствует...

– И что же я должен делать? Этому русскому пробили голову, я обязан...

– Безусловно, сержант, – согласился Еланчук. – В молодости я работал в криминальной полиции, знаю: чем меньше шума, тем лучше аппетит у начальства.

Сержант довольно рассмеялся.

– Иностранцы, адвокаты, исчезнувшие преступники, одна головная боль, – гнул свою линию Еланчук, пытаясь замять дело и быстрее отправить Юлию и русских сыщиков из Парижа домой. – Я говорю по-русски, если разрешите, потолкую с парнем, надеюсь, он не захочет настаивать на расследовании.

– Буду благодарен, мсье, – обрадовался сержант.

Еланчук поставил стул рядом с креслом, сел, расспросил Виктора, как тот себя чувствует, что произошло. Выслушав короткий рассказ, Еланчук сказал:

– Вы недоговариваете, молодой человек, но я не полицейский. Мой вам совет, если можете ходить, улетайте домой. Лежать здесь в госпитале – дорогое удовольствие. Думаю, вас ударили рукояткой пистолета либо кастетом. Кость не повреждена, сотрясение мозга переживете. А впрочем, решайте сами.

– А Юлия? – спросил Виктор.

– Не волнуйтесь, о ней побеспокоятся. Вы имеете претензии к полиции, будете писать заявление?

– К чему? Начнется бумажная волокита. Полиция во всех странах не ищет преступников, а составляет протоколы.

Еланчук внимательно следил за Виктором, думал о том, что парень очень не простой и необходимо сообщить о нем Гурову.

– Так я могу передать полиции, что они могут уходить?

– А Юлия? – вновь спросил Виктор. – Ее следует охранять, ведь нападали на нее, я здесь оказался случайно, попался под горячую руку.

Никто не любит лишней работы, потому Еланчук сердился на Гурова, на русских ментов, которые были в Париже словно заблудившиеся в лесу дети. Но он не мог не признать очевидного. Гуров предвидел возможность нападения на девицу, а менты, как к ним ни придирайся, вели себя достойно.

Еланчук сказал сержанту, мол, все о'кей, русские претензий не имеют. Когда полицейские ушли, позвонил хозяину отеля, попросил прислать врача, созвонился с Гуровым, не вдаваясь в подробности, сказал, что Юлии лучше вернуться в Москву.

Глава 3

Второго февраля, в пятницу, в квартире Горстковых собрались гости, событие, вызывавшее у хозяйки одновременно и радость, и головную боль. Нина Дмитриевна росла в исконно русской семье, где людей принимали хлебосольно, никакие увещевания дочери, что ломившийся от разнообразных закусок стол, с последующей селянкой, бараньей ногой и индейкой либо гусем с яблоками – каменный век, воздействия не имели. Нина никогда не могла ограничиться бутербродами и тарталетками и слушать не хотела, что люди приходят в дом не есть, а поговорить, искренне расстраивалась, когда большинство блюд оставалось на столе нетронутыми. А сегодня дочери не было – Юлия возвращалась домой лишь завтра, потому накрыто было традиционно – по высшему разряду.

Юрий Карлович о происходящих в Париже событиях ничего не знал, пребывал в настроении отличном. Как в одном человеке совмещались опытный, осторожный, хваткий финансист и радушный, несколько наивный хозяин – неизвестно. Однако уживались, данный факт имел место. Предлогом для сбора послужила серебряная свадьба хозяев, которую они хотели отметить вдвоем. Но уже утром начались звонки с поздравлениями, и к восьми часам вечера собралось девять человек гостей плюс виновники торжества. Огромный, еще дедовский стол пришлось раздвинуть.

Публика собралась, если так можно выразиться, разномастная, принадлежавшая к различным политическим течениям, что для верхних этажей власти не очень естественно. И, если помощник Президента Ждан и вице-премьер Барчук, помощник всесильного генерала Коржанова полковник Севостьянов и замнач контрразведки Володин еще как-то соседствовали, то ближайший друг кандидата в Президенты и лидера демблока Алентов, и председатель одного из коммунистических блоков Еркин, который еще вчера состоял в другой партии, и мало кому известный коммерсант Юдин были за столом вроде как ни к чему. До выборов Президента уже начали считать дни, и, хотя Президент и лидер коммунистов, победивших в декабре на выборах в Госдуму, официально свои кандидатуры еще не выдвинули, данный вопрос был практически решен, дело было лишь за формальным заявлением. Тридцатисемилетний лидер демократов, кандидат в Президенты и друг Алентова тоже еще не сказал последнего слова, но у демократов другого лидера не было, так что за столом практически собрались представители трех ведущих фракций, которые в июне должны были вступить в борьбу за корону российского самодержца.

Серебряная свадьба хозяев никого из присутствующих не волновала. Юрий Карлович Горстков был не только миллионером, но являлся некоронованным лидером ведущих финансовых структур России и наиболее авторитетным русским финансистом в глазах Запада. И, хотя газеты и телевидение не уставали повторять, что восстановить развалившуюся экономику страны способны только сами хозяева и на помощь со стороны рассчитывать наивно, обещанные Западом миллиарды долларов не давали политикам спать спокойно.

Кому положено, прекрасно знали, что Горстков крайне неохотно участвует в политических тусовках, а если и приходит, то о делах не говорит, отмалчивается. Являясь сегодня на скромный юбилей, каждый считал, что он окажется за столом чуть ли не единственным гостем и, зная хлебосольство дома, рассчитывал за рюмкой если не заручиться поддержкой хозяина, то прощупать его настроение.

Когда все собрались и заняли места за столом, наступила пауза, объясняемая разочарованием: в таком составе ни о каком приватном разговоре не могло быть и речи. Юдин, который никаких целей не преследовал, лишь симпатизировал более молодому и удачливому коллеге, слегка ему завидовал, не без этого, поднял традиционный тост, сказал положенные слова и вынул «молодых» поцеловаться.

Хозяин поздно сообразил, что состав за столом получился разномастный, с искренней симпатией взглянул на Бориса Юдина, зная, что этот человек искренен, ничего просить не собирается, так как прочно стоит на своих ногах и ни в какую сторону тянуть не будет, сам политику не уважает.

Юбиляры звонко расцеловались, хозяйка пылала румянцем, угощала гостей с таким усердием, словно они утром вырвались из блокадного Ленинграда.

Контрразведчик Володин и заместитель начальника Управления охраны Президента пришли без жен, сидели рядом, в миру тихо ненавидели друг друга, сегодня, не сговариваясь, объявили временное перемирие.

– Ну, раз такое случилось, выпьем на «ты» и не будем говорить о политике, – на правах старшего сказал Володин и выпил.

– Я и в политике ни бум-бум. – Севостьянов тоже выпил. – Мое дело телячье, отнеси-принеси и не мычи.

– А чего ты явился? – Володин знал, что сосед врет и совсем не так прост, как хочет казаться.

– Шеф сказал, я и пошел. – Полковник налил по новой. – Кто в июне в короли выйдет – неизвестно, а Карлович, – он кивнул на хозяина, – при любом раскладе небитым козырем останется.

– Не скажи, Юрий, не скажи! – Генерал профессионально опрокинул рюмку. – Начнут рулить коммунаки, все может случиться.

– Мы с тобой при настоящих хозяевах служили, знаем, нынешние не те ребята. Ружья у них имеются, а патронов нету. И хозяин им не по зубам, а уж те фигуры, за бугром, что у него за спиной стоят, и говорить нечего. Это факт, который и тебя, и меня касается одинаково.

Олег Еркин, маленький, жилистый мужичонка, из глубинки, неизвестным способом пролезший в Думу, вовремя переметнулся к коммунистам и сохранил депутатский мандат на второй срок. Хозяева видели его впервые. Кто пригласил его на обед и приглашали ли его вообще – неизвестно, он горячо полемизировал с одним из ведущих лидеров демократов доктором наук Алентовым. Полемика сводилась к горячечному монологу Еркина. Алентов смотрел удивленно и согласно кивал. Да, вряд ли такое общение можно назвать полемикой. Выступление Еркина состояло из отдельных, никак не связанных друг с другом призывов и лозунгов различных партий.

– Все очень просто! Частная собственность, конечно, останется. Одежда человеку необходима, кровать, машина, только пускай предъявит справку, где заработал деньги. Люди должны жить хорошо, учеба, клиника, больница – бесплатно. Ни у кого ничего отнимать не будем, пусть владеют, но в разумных пределах, лишнее человек должен отдать ближнему. Согласны?

– Да-да, конечно, лишнее обязательно отдать, – кивал Алентов, думая о том, какой черт занес его на этот обед.

Николай хотел увидеть Юлию и не знал, что девушки нет в Москве. Он встречался с дочерью Горсткова дважды, на каком-то шумном и довольно пьяном вечере они танцевали, затем довольно долго разговаривали. Молодой политик не знал, что девушка – дочь финансового магната, принял ее за журналистку. Юлия понравилась ему как женщина: гибкое, сильное тело, открытая обаятельная улыбка и удивительная раскованность. Ему очень нравилось, что она не расспрашивает его о политике, не ведет заумных разговоров об экономических реформах. Танцевать они оба любили и умели, ощущали в движении не только физическую, но и духовную гармонию.

Юлия знала, что ее партнер – заметный человек в какой-то политической партии, вспомнила, что видела его по телевизору, но представились они друг другу только по имени, громкая фамилия Николая была девушке в тот вечер неизвестна. На подобных вечерах танцуют

немногие, и молодая пара привлекала внимание. Среди присутствующих прошел шепоток, и Николай краем уха услышал:

– У Алентова губа не дура... Вот так зарождаются правящие династии.

Алентов был слегка пьян и влюблен, не придавал услышанному значения. Расставаясь, он задал вопрос, который задает нормальный мужчина понравившейся ему женщине:

– Мы еще увидимся, разрешите вам позвонить?

– Вы мужчина, дерзайте! – ответила, смеясь, Юлия.

– Но я не знаю вашего телефона.

– Попробуйте разыскать! – Она снова рассмеялась и заторопилась на выход.

– Николай, ты хочешь сказать, что весь вечер провел с девушкой и не знал, что она самая богатая невеста в России? – спросил у Алентова его секретарь и друг на следующий день.

– Не знал, – ответил Николай. – Ты мне не веришь? Моего слова недостаточно?

– Дело не в том, чему верю я, – ответил секретарь. – Если ты, один из лидеров демдвижения, депутат Госдумы, будешь встречаться с дочерью магната Горсткова, это выплывет наружу и будет расценено людьми однозначно.

– Я не свободный человек?

– Естественно. Крупный политик – человек не свободный.

Алентов раздумывал недолго, согласился и Юлии Горстковой не звонил. Прошел месяц. Николай начал забывать хмельной вечер, гибкую девушку, ее дразнящую улыбку, когда Юлия сама позвонила ему в офис и насмешливо спросила:

– Вы всегда не выполняете свои обещания?

Алентов узнал ее сразу, довольно холодно поздоровался и, сославшись на плохую память, сказал, что вроде бы ничего не обещал.

– Не держать данное слово или иметь плохую память? Я даже не знаю, что хуже для профессионального политика?

Они обменялись еще несколькими острыми фразами, после чего Николай сказал:

– Юлия, пощадите, меня прессингуют с утра до вечера, я очень хочу вас увидеть.

– Я подумаю над вашим предложением, – ответила девушка. – На людях с вами появляться нельзя, вы стали слишком популярны. Приходите ко мне в гости. Не к дочери бизнесмена Горсткова, а к девушке, которая любит танцевать. Приходите, я решу, что с вами делать дальше.

Алентов провел в квартире Юлии чудесный вечер, они танцевали, слегка выпили, ничего не решили, лишь еще больше запутали. Он работал сутками с необходимыми перерывами на сон, но мысли о Юлии не оставляли его, раздражали, порой приводили в бешенство. Он решал главный вопрос своей жизни, и какая-то ерунда, обыкновенная девчонка, мешала, не давала полностью сосредоточиться. Вчера секретарь передал приглашение на серебряную свадьбу Горстковых, сказал, что Юрий Карлович звонил лично, предупреждал, что будет лишь несколько человек, мол, бизнесмен хочет обсудить приватно с Алентовым несколько деловых вопросов.

– Надеюсь, ты понимаешь, что отказываться от подобного предложения из-за того, что ты танцевал когда-то с его дочерью, неразумно? – спросил насмешливо секретарь. Он не знал, что Николай и Юлия виделись еще раз и взаимоотношения молодых людей зашли дальше, чем обыкновенные танцы.

И вот Николай пришел, выяснилось, что среди гостей вице-премьер и помощник Президента, отношения с которыми у Алентова были отнюдь не простые, а сейчас, когда до официального объявления кандидатов на выборы оставались буквально дни, так просто напряженные. Присутствие за столом заместителя начальника контрразведки и человека, приближенного к генералу Коржанову, атмосферу отнюдь не разряжало. Главное, Юлии, с которой Алентов хотел увидеться и поговорить, нет дома, она только завтра возвращается из Парижа.

Николай пил мало, шампанское и сухое вино по настроению, но неловкая ситуация: мужчина-коммунист, молотивший чушь по соседству и требующий к себе внимания, вывел Алентова из равновесия, и он выпил три рюмки водки. А делать этого не следовало.

Помощник Президента Ждан и вице-премьер Барчук говорили, естественно, о предстоящих выборах.

– Президенту не выиграть с первого захода, – говорил Ждан. – Чечня, как застрявшая меж ребер пуля, не дает дышать нормально.

– В него никто не стрелял, мужчина обязан уметь обращаться с оружием и не допускать самострела, – ответил Барчук, наливая в бокал жены легкое вино.

– Мужчины, вы способны хоть на час отвлечься от своих споров? – капризным тоном спросила супруга Ждана.

– Вероника, прошу, – остановил ее муж и повернулся к Барчуку: – Анатолий Владимирович, сегодня уже не установить, кто стрелял. Мы все стоим перед выбором. Я не говорю, что Президент святой, но если он проиграет и к власти придут коммунисты...

– И при них жили, да не при теперешних, те, старые, были покруче, – перебил Барчук. – Мне лично все одно. Придут коммунисты, правительство слетит, останется Президент, тоже всех до единого сдаст. Я живу стабильно только до июня, потом придется крутиться.

– Что ты все о себе! А Россия, народ? – возмутился Ждан.

Барчук слегка отодвинулся от стола, оглядел соседа, усмехнулся, покачал головой:

– Не валяй дурака! Россия! Народ! Ты о себе думаешь, я – о себе, и не стоит кривляться. Мы с тобой профессионалы, любой власти нужны. Службистам сложнее, – он кивнул на сидевших напротив генерала и полковника.

Контрразведчик перехватил взгляд вице-премьера, улыбнулся и громко спросил:

– Обсуждаем виды на урожай?

Барчук сделал вид, что не расслышал, а сидевший рядом с Володиным Севостьянов сказал:

– Степан Сидорович, между нами, что сегодня в Париже произошло?

– Ты, Юрий Иванович, о чем? – фальшиво удивился контрразведчик.

– Не прикидывайся, коли нам известно, так вам и тем более. – Севостьянов взглянул на хозяина и его супругу. – Выдержанные люди, словно с их дочкой и не случилось ничего.

– Так ведь все путем, обошлось, – тихо ответил Володин. – Я действительно толком ничего не знаю. Какая-то драка у гостиницы, Юлии стало плохо, и завтра она прилетает. А что девчонку хотели силой увезти, я не верю. Если бы хотели, так и увезли бы. А то, видите ли, два русских туриста помешали.

– А у нас в кустах случайно оказался рояль! – съязвил Севостьянов. – Не морочь голову, ваши штучки. Но не хочешь – не говори. Интересно, слухи или действительно дочка хозяина замуж за этого говоруна собирается? – Он едва заметно кивнул в сторону Алентова.

– Шутишь? Я и не слышал.

– В прежние времена ваша служба не сплетни – мысли слышала. – Севостьянов укоризненно покачал головой. – Ты понимаешь, генерал, если Алентов получит такого тестя, это будет сила.

– Тогда он и сам может податься в кандидаты.

– Я его не люблю, но он умный парень, понимает, что сегодня только в пристяжные годится. Молодой, его время еще придет.

– Если коммунисты победят, время остановится, – Володин усмехнулся, – наступит наше время, контрразведка всегда была. Ну и пошерстим мы этих болтунов.

– Я работаю в Управлении охраны Президента, – сухо произнес Севостьянов. – Он будет баллотироваться на второй срок и победит. В призывах и лозунгах коммунистов и вашего лидера нет и намек на возможные репрессии.

– Ты умный мужик, Юрий Иванович, пистолет придумали и сделали не для того, чтобы им размахивать, не флаг. Оружие изготовили для убийств, если его берут в руки, то обязательно стреляют. Се ля ви! А если наш лидер решит, что пистолетом можно гвозди забивать, ему дадут в руки молоток и отправят туда, где забивают гвозди. Но лично тебе бояться нечего, нам такие люди будут нужны в большом количестве.

Полковник Севостьянов несколько удивился уверенности контрразведчика и его неосторожной откровенности, подумал, не слишком ли он, полковник охраны, уверен в могуществе своего шефа, и неожиданно вспомнил пословицу, предупреждающую об опасности складывать все яйца в одну корзину.

А хозяин благодушествовал, пребывал в отличном настроении, ухаживал за дамами, с юмором рассказывая, как расчищал тайгу за то, что раньше времени начал перестройку и приватизацию, в те времена его действия подпадали под определенные статьи Уголовного кодекса и премировались длиннющими сроками. Юрий Карлович пил и ел вкусно. Крупной фигурой, раскатистым голосом, который покрывал шелестящий говорок гостей, походил на Гаргантюа в окружении людей мелких, обсуждающих свои маленькие проблемы. Горстков смотрел на своих гостей не свысока, а с умилением – он уже выпил солидно, – с жалостью, как взрослый смотрит на детей, которые расстраиваются из-за сломанной игрушки, не ведая, какие еще поломки ждут их в этой жизни.

Депутаты, заместители, помощники, глупые и несмышленные, переживают, что день грядущий им готовит. Вчера одни выборы, сегодня другие, зарплата из казны, но в казну необходимо вкладывать, иначе брать станет нечего. А для этого необходимо зарабатывать, а не разговаривать.

Горстков зарабатывал с раннего детства, почему-то мы все время тычем пальцем в немцев и прочих американцев, утверждая, что вот они умеют работать и сколачивать капиталы, словно на Руси испокон веков не жили работяги, некоторые создавали фамилии, строившие заводы и создававшие финансовые империи. Живем, зажмурившись, словно и нет в Москве ни Третьяковской галереи, ни дома Пашковых и многого иного, красивого и вечного, сделанного русским «вором и пьяницей». И храм Василия Блаженного вырос сам по себе, и иностранные посольства разместились в особняках на Поварской и в прилегающих переулках с «иноземными» названиями: Хлебный, Скатертный, Ножевый и прочая.

Юрий Карлович очень огорчился, что у него нет сына. После рождения Юлии врачи категорически запретили жене рожать. Юрию Карловичу был нужен внук, и желательно побыстрее, пока он еще в силе да здравом уме и на ногах крепко стоит. Уж он бы из парня человека вырастил, знал бы, что труды его не по миру развеются, в России осядут, людям служить будут. Горстков перехватил взгляд Алентова, кивнул на дверь, отер рот салфеткой, легко поднялся, расправил богатырские плечи.

– Нина Дмитриевна, ты следи, чтобы гости ели и пили да не скучали. А я с Николаем Трофимовичем отлучусь ненадолго, парой слов переброшусь требуется.

В кабинете хозяин повел рукой, сказал:

– Располагайся где удобно. – Открыл бар, звякнул посудой. – Тебе водки, коньяка или ты заморское предпочитаешь?

Алентову хозяин нравился, импонировал и внешностью, какой-то не сегодняшней, а чуть ли не былинной, уверенностью и широтой, исходившей не от роста и разворота плеч, а из нутра человеческого. Но Николай сам был от природы лидером, а его не пригласили к разговору равных, а привели сюда, словно малого ребенка.

– Спасибо, Юрий Карлович, но я вообще-то не употребляю.

– Ну как хочешь... – Хозяин налил две большие рюмки водки, одну поставил перед гостем. – Я хотел с тобой посоветоваться.

Николай чувствовал себя неудобно, предполагая, что разговор пойдет о Юлии, готовился к резкому отпору, и слова хозяина о каком-то совете несколько обескуражили.

– Я политику не уважаю и не люблю, но дочка как-то обмолвилась, что ты человек умный и порядочный. Понимаю, большой бизнес и большая политика, словно рука правая и рука левая. И я на страуса похож, голову прячу, а деваться мне некуда. В моем доме, как на нейтральной полосе, недолго простоять можно, жить нельзя. Просвети старика, какого берега следует держаться и чего нам от нынешнего лета ждать.

– Газеты не читаете, ящик не смотрите, – утвердительно сказал Алентов. – В принципе, хотя кандидаты официально еще не выдвинуты, все уже по полочкам разложено. Коммунисты и партия власти почти на сто процентов разыграют финал. Наша партия кандидата выдвинет, но это по принципу Пьера де Кубертена: главное не победа, а участие.

– Дорогое участие, – вставил Горстков.

– Дорогое, но чужих денег не жалеют. Вряд ли, но на первом этапе в драку гигантов могут ввязаться «Яблоко» и жириновцы. Если они будут иметь успех, то дальнейшее непредсказуемо. Я считаю, подобная ситуация – прерогатива Стругацких.

Известно, хозяин сыщицкой профессии не обучался, но беседу вел так, что любой профессионал-розыскник мог позавидовать. Юрий Карлович неплохо разбирался в политике, и интересовали его не ответы, а поведение парня, который, как ему донесли, ухаживал за Юлией.

Говорит, что думает, по молодости такое случается. Не пытается угадать, что я хочу от него услышать, значит, с характером. Умен, спокоен, здоровье отменное, не пьет, злится, но вида не показывает. Неплох парень, совсем неплох, значит, дочка не такая уж вертихвостка, как мне кажется. Но к чему он политикой занимается? Что в такой грязной луже нашел или ищет? А бизнес дело чистое? Чья бы корова мычала...

– Ты не сказал, к какому берегу мне грести? – Горстков выпил рюмку.

– Коммунистам деньги давать нельзя, Ельцину не требуется, ему хватает, а с точки зрения тактической, такое бессмысленно. Если он проиграет, коммунисты вам это припомнят, а победит – опять зазря, так как память у Ельцина короткая и избирательная. Прошлые не в счет, учитывается только сиюминутная выгода. Давать деньги Жириновскому вы не станете, а дай бог, победит «Яблоко», так им деньги всегда будут нужны, и сегодня, и завтра.

– Смотрю, умный ты шибко.

– Простите, Юрий Карлович, но шибко умных не бывает, это дураки встречаются rozmaитные. А ум, как деньги, либо имеется, либо нет, и всегда не хватает.

Горстков расхохотался, подал руку Алентову, выдернул из кресла:

– Спасибо, просветил, идем, перед людьми неудобно. – В дверях неожиданно спросил: – А вашей кампании не подбросить?

– Доброе дело никогда не мешает, но лучше пожертвовать на сиротский дом. Причем не в фонд, не на лицевой счет, а купить ребятам необходимое и каждому отдать в руки.

Хозяин взял гостя за плечо, развернул, посмотрел в глаза, разделяя слова между собой, словно вручая каждое отдельно, произнес:

– Ты мне нравишься, парень. Понадобится помощь, скажи. – Он подумал и добавил: – По любому вопросу.

* * *

Гости юбиляров Горстковых только собирались сесть за праздничный стол, когда в кабинет Гурова и Крячко пришли отставные менты-оперативники, которых сумел разыскать по просьбе своего друга и начальника Станислав.

Пока их было всего четверо. Старый товарищ, работал у Гурова много лет в группе еще в МУРе, отставной майор Василий Иванович Светлов, сейчас служил водителем в гараже МВД.

У ветерана тяжело заболел внук, на лечение требовались деньги, майор поделился заботами со Станиславом, и тот посоветовал взять отпуск и присоединиться к группе, которую создавал Гуров. Для оперативной работы Василий Иванович был уже староват, но опытный шофер, прослуживший в розыске тридцать лет, являлся для данного дела человеком необходимым. Гуров приходу ветерана обрадовался, выдал ему тысячу долларов аванс и шестую модель «Жигулей», которую Станислав арендовал в одном из сыскных бюро.

Веткин Геннадий Митрофанович, сыщик с двадцатилетним стажем, внешне походил на Крячко, среднего роста, плотный, с обманчивой простотой непримечательного лица, агентурист был посредственный, но вел наблюдение и проводил установки дотошно и терпеливо.

Котов Григорий Давидович, старый розыскник, был похож на своего отца-еврея, скрипача третьеразрядного оркестра, носил бородку и очки и походил на кого угодно, только не на опытного, хваткого оперативника. Он был высок и болезненно худ, производил впечатление человека физически слабого, что совершенно не соответствовало действительности. Котов прекрасно стрелял с обеих рук, в уличной драке мог соперничать даже с Гуровым. Друзья шутили, мол, Гриша – это скелет, туго обтянутый воловьими жилами.

Гаврилов Борис Ефимович, тоже битый опер, обладал удивительно несерьезной внешностью, и, если Котов в свои сорок лет выглядел на пятьдесят с лишним, то Гаврилов, имевший от роду тридцать пять, смотрелся шпанистым парнем, готовым в любой момент залезть в карман или вырвать у зазевавшейся дамочки сумку. Он и одет был соответствующе: джинсы, кроссовки, пальтишко якобы из кожи, купленное в Стамбуле на толкучке. В ларьках ему не давали в руки бутылку водки, если он просил разглядеть этикетку, требовали деньги вперед. Над верхней губой у него имелся шрам, а в верхней челюсти поблескивал золотой зуб. Бориска, так его звали товарищи, мог в любой компании и в подворотне выпить на троих, незаметно пролив половину, и через полчаса быть с уличной шпаной своим в доску.

Всех присутствующих объединяли опыт оперативной работы, нелюбовь к начальству, которое не ценило их профессионализма и преданности розыскному делу, и скрытая ненависть к «деловым», чье коварство и жестокость они испытали на собственной шкуре. Они ценили деньги, но не ставили их во главу угла, заработать хотели, но не продавались и не двурушничали.

При наборе команды Станислав ставил человеческую порядочность на первое место, все остальные качества у ребят были хуже или лучше, но честность была обязательной.

Когда все собрались, покурили, вспомнили старое и обменялись новостями, Гуров выдал каждому по тысяче долларов и сказал:

– Парни, работа нам предстоит не очень приятная. – После чего каждому вручил фотографию Юлии, ее адрес, объяснил, из какой она семьи и о письменном предупреждении.

Затем он рассказал о попытке похищения девушки в Париже, приметы похитителей. Минут двадцать обсуждали приметы, вспоминая старых «приятелей», но ничего конкретного не вспомнили.

– Служба безопасности...

– Контрразведка, – возразил Котов, поправляя постоянно сползающие очки. В молодости он страдал близорукостью, которая с годами прошла, но привычка носить очки осталась, только стекла пришлось заменить на простые.

– Не будем торопиться с выводами, – сказал Гуров. – Я вам рассказал о происшедшем, чтобы вы понимали: угроза непростая, у исполнителей руки длинные, раз они до Парижа дотянулись. Геннадий, – обратился полковник к Веткину, протянул листок. – Вот тебе данные ухажера, которого Юлия повстречала в Париже, выясни о парне все, что можно.

– Что нельзя, тоже выясни. – Крячко не мог молчать так долго. – Его в номере оглушили, но, возможно, они из одной команды.

– Слушаюсь, господин полковник. – Веткин кивнул.

– Теперь о вас, ваших задачах и возможностях, – продолжал Гуров. – Завтра вернутся Валентин Нестеренко и Илья Карцев, значит, вас будет шестеро, по необходимости присоединимся Станислав и я. Машин у нас три, но мой «Пежо», особенно «мерс» Крячко в определенных местах светятся, а в иной ситуации будут в цвет. Денег не жалеть, расходы по необходимости, никаких отчетов и рапортов не требуется. Писать только оперативно важные материалы.

– «Крыша»? – спросил Борис, сверкнув золотым зубом.

– Документы, которые у вас имеются, – ответил Гуров. – Разрешение на оружие у вас есть, а как пистолетом пользоваться и не оказаться в тюрьме, жизнь научила. Если власть прихватит, можете дать мой телефон, коли совсем станет плохо, пусть звонят генералу Орлову. Но, ребята, – он вздохнул и покачал головой, – сами понимаете. Вы можете столкнуться и с контрразведкой, и со службой охраны.

– Слова «можете столкнуться» опустите, – вмешался Станислав. – Лев Иванович, ребят обманывать нехорошо, безнравственно. Они столкнутся со службами напрямую или косвенно, но обязательно.

Гуров на друга не смотрел, выдержал паузу и продолжал, словно его и не перебивали:

– Для спецслужб выяснить, что ментовские начальники используют в работе посторонних людей – большой подарок. Старший опер, – он ткнул пальцем в грудь, – это одно, начальник главка, замминистра – совсем иное, соображайте, не маленькие.

– Если яйца дверью не прищемят, промолчим, – сказал Гаврилов.

– У тебя, Бориска, лишь одна пара, береги, дольше проживешь, – сказал Василий Иванович, и все дружно рассмеялись.

– Что еще, какие вопросы? – спросил Гуров.

– Я так понимаю, что мы берем девочку завтра из Шереметьева и таскаемся за ней круглые сутки, – сказал Котов, почесывая бороду. – Как мы меняемся, сколько работаем – дело наше. Если мы засекаем за ней наблюдение, то сообщаем вам. А в каком случае мы имеем право расшифроваться?

– Простенькие вопросы задаешь, Григорий Давидович, – усмехнулся Гуров. – На то ты и доктор, чтобы решить, в каких случаях нужна операция, а когда достаточно грелку поставить. Мы знаем, что ее хотят выкрасть, кто и где собирается это сделать, неизвестно. Зачем? Тут возможны варианты. Ясно, главная цель – папаша. Будь она дочерью рядового инженера, ничего бы девчонке не угрожало. Возможно, лишь пошлая попытка получить деньги. Но мне чудится, что история связана с предвыборной кампанией. И при помощи дочери попытаются оказать на Горсткова давление, повернуть его огромные капиталы в определенную сторону.

– Тогда другой противник – и наша не пляшет. Вы, Лев Иванович, силы-то соразмеряйте, мы ведь только обыкновенные менты на пенсии. Нас в политической сваре раздавят, не заметят. Клопа раздавишь – воняет, а от нас и запаха никакого не останется, – сказал Веткин, которому Гуров поручил установить Виктора.

– Боишься? – Крячко привстал со стула. – Нормальное дело, все бояться. Только не крестись загодя, может, и гром не грянет.

– Станислав, – остановил друга Гуров. – Генка рассуждает верно, но смотрит под ноги. Я не хотел касаться данного вопроса, лишнюю болтовню разводить. ФСБ – организация мощная, нам против нее выступать неразумно. Возьмем худший вариант: и контрразведка либо служба безопасности Президента в этой истории заинтересована. Но ведь они своих людей, свою мощь тут использовать не могут. Там же не дураки работают и прекрасно понимают, что если в подобном деле государственная структура засветится, то Президенту крышка. Он политический труп, ему придется срочно снимать свою кандидатуру. Значит, что? Напрямую они никак действовать не могут. И происшествие в Париже тому прямое доказательство. Немецкие фашисты Муссолини украли. А тут девчонку-туристку не могут умыкнуть. Конечно, они о наших ребятах не знали, но все равно, работа дилетантская. Почему ее брали в номере, а не

где-то на улице, в переулочке? Потому, что языка не знают, с полицейским, если что, объясниться не способны. Это спецслужба? Уж нашлась бы парочка ребят, которые на французском ля-ля тополя развести способны.

Спецслужбы в данной истории тоже раком стоят. И хочется, и колется, и мамка не велит. Они могут действовать только через свою агентуру, причем агентуру невысокого класса. Уголовников, которых на мелочовке повязали, вербанули и отпустили гулять. Вот они-то и станут вашими непосредственными противниками. А случись что, так генералы наверху благим матом заорут: «Не знаем! Не ведаем! В первый раз слышим!» Иначе Сам их головы оторвет быстрее, чем Кот Бегемот оторвал башку Конферансье Бенгальскому. Впрочем, я это сравнение уже употреблял.

– Ты вообще повторяешься, Лев Иванович, – сказал Крячко. – Вам, ребята, неважно, кто за кем стоит, важно, с кем по асфальту кататься. А публика знакомая, приятная, как зубная боль.

– Станислав – ваш непосредственный начальник. Начнет припекать, соберемся, обсудим. Завтра вы встречаете в Шереметьеве рейс из Парижа...

– Извини, Лев Иванович, так не пойдет, – перебил Котов. – Я хочу знать, при каких обстоятельствах могу расшифроваться. – Этот сын Давида был самым осторожным и дотошным. – Разговорчики о враче и диагнозе – для сопляков. Девчонку на моих глазах с улицы в машину берут и увозят. Какой диагноз?

– Ты глупей дурного не прикидывайся! – повысил голос Крячко. – Берут, увозят, не мешок картошки с тротуара подобрали. Ты потому и сыщик, чтобы в секунду решить, мальчик девочку в койку повез или это иная ситуация. Твое дело – повиснуть на хвосте и не дать оторваться, связь у тебя будет.

– Все, господа сыщики, до завтра. – Гуров вышел из-за стола, каждому пожал руку, Котова придержал. – Если работа не по душе, сомневаешься, скажи, свои люди, пойдем.

– Не сомневаются дети и дураки. – Котов кивнул и вышел из кабинета.

– Не нравится он мне, – сказал Станислав, когда оперативники ушли. – Привык, чтобы ему отмеряли от сих и до сих этого.

– Брось, Станислав, ребята хорошие, а Гриша так просто лучший. Он вопросы задает, ты уши развесил. Полагаешь, он не знает, когда тихо сопеть, когда стрелять по колесам, а когда в лоб? Все он знает, ему интересно, как далеко мы можем зайти.

– Ты начальник, тебе с горки видней, – ответил Крячко. – Мне лично очень этот парень, что увивался вокруг девицы в Париже, не нравится. Он опаснее этих горе-похитителей.

– Возможно, разберемся. Твое мнение, сколько дней у нас имеется, пока они перестроятся и по второму кругу пойдут?

– Полагаю, они временно затихнут, выждут, проверят, нет ли за Юлией наблюдения. Считаю, и нам дня на три следует оставить ее в покое, выяснить, где она бывает, но не более того, по городу за ней не таскаться, засветимся.

– Разумно. – Гуров открыл форточку и дверь, решил проветрить кабинет.

– Я поехал, дома надо побыть, дальше неизвестно, как сложится. – Крячко вынул из шкафа куртку. – Ты Марии не звонил?

– С какой стати? – Гуров хотел казаться беспечным. – Она уехала на съемки, вернулась, вроде она и должна позвонить.

– Дурак. Мария – женщина, к тому же актриса, а ты ее в какие-то логические рамки примериваешь. Группа вернулась из Италии со съемок, Мария занята в спектаклях, женщина убеждена, что о таком событии не только влюбленный мужик, вся Москва знает. Ты со своего пьедестала слезь, на земле живешь. – Крячко махнул рукой и вышел.

Гуров закрыл за другом дверь, сел за стол и закурил. Сыщику идти было некуда. Женщины появлялись в его жизни и пропадали. Только с женой он прожил восемь лет. Рита не

выдержала жизни с мужчиной, который уходит и неизвестно когда вернется, когда нельзя договориться с друзьями о встрече, так как у мужа «понедельник начинается в субботу». А может, и не жена ушла, а ушла любовь. Все имеет свой край, Ромео и Джульетта об этом не узнали, так как умерли детьми.

Гуров очень нравился женщинам, знал об этом, воспринимал спокойно, философски данный факт – не его вина и не заслуга, таким родился. Он был высок, атлетически сложен и голубоглаз, но отнюдь не его физические данные привлекали женщин. Физика лишь форма, она обращает на себя внимание, но не более того. Он был лидер, сегодня такое качество называют биополем, платил за свое лидерство сполна. Вот даже ближайший друг, Станислав, походя ударил по больному, сказал: «Слезь со своего пьедестала». Нормальный мужчина, хочет он того или нет, всю жизнь поднимается по лестнице, завоевывая звания, должности, признание окружающих коллег. Спортсмен стремится победить, преодолеть себя, подняться на пьедестал почета. Он существует не только в спорте, в любой профессии желание быть первым у мужчины в крови, высоту пьедестала мужчина определяет сам, одному достаточно малого, другому не хватает всю жизнь. Каждый меряет на свой аршин, которых в жизни множество. Деньги, слава, власть. Говорят, что самая притягательная и сладкая, она же наиболее труднодостижимая и скользкая вершина – власть.

Гуров никогда не стремился к власти, хотя, конечно, сегодня обладал значительно большей властью, чем в начале своей карьеры, когда был опером и лейтенантом. Но лестница, которая ведет к власти, Гурова не интересовала. Ему не раз предлагали повышение в должности и генеральское звание, но он под различными предлогами отказывался. Он был нормальный человек, хотел быть генералом, иметь отдельный кабинет и персональную машину. Его лишь не устраивала цена, которую придется за все это заплатить. Отдавал себе Гуров отчет или нет, но он был очень тщеславен. Данное качество выражалось у него своеобразно: он не жаждал должностей, званий, орденов, Гуров по-настоящему ценил только свободу. Директора завода можно в любой день заменить, а токаря высочайшей квалификации заменить нельзя, нет таких асов, и все тут, хочешь – не хочешь, а если у тебя в коллективе такой ас имеется, терпи его со всеми его человеческими прибабахами.

Гуров нечасто пользовался своим привилегированным положением, ему хватало сознания, что он им может воспользоваться.

Такая или примерно такая ситуация сложилась у Гурова и во взаимоотношениях с женщинами. Он соблюдал правила игры, ухаживал, целовал руки и ноги любимых. Он делал все, что мог, – от готовки, стирки, мытья посуды с женщиной на равных, дарил цветы и комплименты, но женщина при этом должна была твердо знать, что он свободен и главным в его жизни является работа. Все, что касалось его обязанностей, женщины принимали с восторгом; наталкиваясь на его представления о личной свободе и работе, женщины начинали недоумевать, роптать. Гуров никогда ничего не доказывал и отношений не выяснял, тихо уходил.

Потому он вторично не женился, сейчас жил один, его шикарная квартира пустовала. Покидая кабинет, Станислав поинтересовался, звонил ли Гуров Марии, красивой и популярной актрисе, с которой у сыщика был сколь бурный, столь и короткий роман прошлой осенью. Казалось, они прекрасно подходят друг другу, оба лидеры, самодостаточны, увлечены и ценят партнера, чужого никто не хочет, все о'кей. Марии повезло, прекрасный режиссер пригласил ее на съемки в Италию. На Гурова в этот момент навалилась очередная волна работы, он был даже рад, что Мария на время уезжает. И больше они не виделись. Свое дело сыщик закончил, увидел имя Марии в театральной афише, приехал с цветами к концу спектакля и выяснил, что любимая вернулась не вчера, а две недели назад.

Он никогда не претендовал на оригинальность, потому в тот вечер выпил со Станиславом крепко и сказал, мол, телефон его Мария знает, захочет видеть – позвонит.

С того дня прошло два с половиной месяца. Станислав непрозрачно намекнул, что у женщины на данную ситуацию может иметься своя точка зрения.

Гуров сидел за столом, чертил на листке геометрические фигуры, очень не хотел ехать в пустую квартиру, но и звонить Марии тоже настроения не было. И дело не в гоноре, уязвленном самолюбии и прочей несерьезной ерунде. Человек железной логики и трезвого расчета, он не понимал, почему, прилетев, Мария не позвонила. Италия, солнце, море, романтика, новая встреча, свалившаяся неожиданная страсть. Это сыщик прекрасно понимал. Но они с Марией были не просто любовниками: они единомышленники и друзья. Так почему не позвонить и не сказать простые слова? Неисчислимо количество мужчин испокон веков безуспешно пытались понять логику своих любимых женщин, и Гуров не составлял исключения. Ну не дано мужчине понять женщину, не дано, и смирись! Так повелел господь бог!

Парадокс конкретной ситуации состоял в том, что сыщик Гуров в работе данный закон отлично знал, учитывал и беседовал, допрашивал женщин и мужчин совершенно по-разному. Но в личной жизни он простейшую таблицу умножения начисто забывал.

Итак, он рисовал свои треугольнички, затем заставил себя позвонить Марии домой. Он слушал гудки и недоумевал, что сказать, когда Мария ответит. Она трубку не сняла, и Гуров позвонил в театр, выяснил, что актриса в сегодняшнем спектакле занята и освободится около десяти вечера.

Для сыщика ждать столь же привычное занятие, как для хирурга держать в руке скальпель, как футболисту работать с мячом. Гуров поставил машину, где ставил ее прошлой осенью, сначала думал, что сказать Марии, если она выйдет одна, как вести себя, коли актриса появится в сопровождении. Ничего оригинального не придумав, он переключился на мысли о предстоящих выборах, на семью Горстковых, что завтра предпринять и чего делать не следует.

Он увидел Марию сразу, как только она вышла из дверей театра, хотел выйти из машины, увидел, что актриса направляется в его сторону, вспомнил, как она в октябре ему объясняла, что не следует выходить и открывать дверцу, обращать на себя внимание. Так то было в прошлом году, Мария знала, что он ждет, а сегодня... Однако Гуров, как прежде, перегнулся через сиденье, лишь приоткрыл правую дверцу. Мария подошла, легко села рядом, беспечно сказала:

– Привет! Накормишь? Я, как обычно, ужасно голодная.

– Здравствуй, – ответил Гуров, удивился, что голос у него не дрогнул, звучал обыденно. – Спектакль прошел нормально?

– Спасибо. – Мария повернулась, бросила цветы на заднее сиденье. – Угости сигаретой.

Гуров достал из кармана свой знаменитый полированный портсигар, который использовал для негласного получения пальцевых отпечатков, угостил Марию сигаретой, щелкнул встроенной зажигалкой.

– На ресторан у меня денег нет, обедать будем дома.

Мария безразлично пожала плечами, вела себя так, словно они вчера расстались.

Они приготовили ужин, с аппетитом поели, потом Мария мыла посуду, а Гуров ее вытирал, вечер прошел обычно, как и два с лишним месяца назад.

Он проснулся от постороннего звука, привычно сосредоточился, понял, что Мария тихонько плачет, и погладил ее по голове.

– Тебе говорили, что ты человек страшный? – Мария вытерла лицо пододеяльником.

– Мне разное говорили.

– Как ты узнал, что приехать надо сегодня? Не вчера, не завтра, именно сегодня?

– Не знаю.

– Я чувствую, ты меня любишь... Ты не задал ни одного вопроса.

– Профессия. Твое дело – сцена, мое – задавать вопросы, и я чертовски от них устал.

– Ты абсолютно нелюбопытен и ничего не боишься.

– Легенда. Я любопытен, многого боюсь, имею полный набор недостатков, свойственных человеку. Отличаюсь от большинства лишь тем, что лучше тренирован, по мне не видно, но я за это плачу. Спи, все проходит.

– Из Библии?

– Возможно, но я знаю, что так сказал царь Соломон. Спи.

* * *

Сравнительно недавно, когда аэропорт Шереметьево только открыли, это было потрясающее своей чистотой и порядком здание. Молодые, живущие неподалеку москвичи даже приезжали сюда отдохнуть, выпить в баре чашку кофе и рюмку коньяку, закусить вкусными бутербродами, перекинуться шуткой с чистенькими, вежливыми, даже элегантными барменшами, вообще поглазеть на эту нездешнюю жизнь, почувствовать себя иностранцами.

Соломон был прав, когда написал на кольце, подаренном сыну, что «все проходит». Сегодня Шереметьево, возможно, и отличается от Казанского вокзала, в аэропорту поменьше гадалок и тяжело пьяных мужиков, но на полу спят, к бару и буфету не подойти. А если и пробыешься, быстро поймешь, что лучше было этого не делать. Россия проглотила Шереметьево, даже не шевельнув челюстями, превратила иностранца в продукт знакомый, привычный. В Шереметьеве, как на любом московском вокзале, имеется табло, оповещающее доверчивых людей о прибытии и убытии рейсов. Человек с минимальным жизненным опытом прекрасно знает: сообщениям табло верить нельзя, и за электронное вранье никто ответственности не несет. В справочном бюро сидят девушки, которых выгнали за грубость из других справочных, чудом сохранившихся еще в Москве.

Сыщики, встречавшие рейс из Парижа, знали, во сколько он должен прибыть, взглянули на табло равнодушно, следуя заповедям Козьмы Пруткина: написанному не поверим. Проведя блицопрос толпившихся у дверей нервных встречающих, оперативники выяснили, что лайнер из Парижа сел благополучно и выпускать прилетевших людей будут именно через данные стеклянные двери.

Гуров считал встречу нормальной перестраховкой, но распорядился, чтобы все провели на высшем уровне, даже попросил Станислава Крячко возглавить группу.

* * *

Юлия летела первым классом, небольшой чемодан она взяла с собой в самолет, чтобы в аэропорту не ждать, пока прибудет багаж, не толкаться у транспортировочной ленты.

Утром в отеле к ней в номер заглянул заботливый врач, который ее осматривал накануне, галантно пошутил, мол, красивая женщина красива при любых обстоятельствах. Однако вчера у нее был небольшой нервный срыв, и врач обязан на нее взглянуть, хозяин беспокоится о репутации отеля.

Утром Юлия действительно чувствовала себя дискомфортно, несколько подавленной, побаливала голова. Доктор померил ей давление, почему-то внимательно осмотрел глазные яблоки, поморщился, недовольно покачал головой.

– Мадемуазель, вы намерены лететь именно сегодня? – спросил он, открывая свой чемоданчик.

– Я абсолютно здорова, доктор, – ответила Юлия. – Дайте мне какую-нибудь таблеточку от головной боли. Как себя чувствует мой знакомый?

– Мсье проживает в отеле?

– Нет. – Юлия смешалась, она не знала, в каком отеле остановился Виктор, как его фамилия. – Неважно, дайте мне таблетку, и спасибо за внимание.

– Таблетки... – Доктор достал из чемоданчика шприц, распечатал упаковку. – Весь мир помешался на таблетках. Я вам сделаю маленький укольчик, вы будете чувствовать себя великолепно.

– Доктор, – Юлия отстранилась, – терпеть не могу уколы.

– Не капризничайте, мадемуазель, посмотрите в окно, вы даже ничего не почувствуете.

Она покорно взглянула в окно, укол ощутила, но боли не было, а действие произошло мгновенно, казалось, она хлебнула изрядную порцию виски, только никакого противного вкуса во рту, лишь нахлынула легкость, исчезла головная боль и поднялось настроение.

В аэропорт ее проводили два молодых симпатичных полицейских в штатском. Один было попытался вновь расспрашивать ее о вчерашнем происшествии, но второй, видимо старший, перевел разговор на шутивную тему:

– Хорошенькая блондинка в Париже – всегда источник повышенной опасности. Эти психи наверняка вас с кем-то спутали, мадемуазель. Мы разберемся, разыщем мерзавцев и примерно накажем.

Юлия чувствовала себя превосходно, парни ей очень нравились, она еле удержалась, чтобы не расцеловать их на прощание.

В самолете она попала в руки очаровательных профессиональных стюардесс, в первом классе летело лишь четверо серьезных мужчин среднего возраста, которые сразу занялись своими бумагами. Перелет продолжался чуть больше трех часов. Юлия дремала или грезилась, думала о Николае Алентове, о котором, находясь в Париже, практически не вспоминала. Он ей нравился; возможно, Юлия даже была влюблена. Алентов чем-то походил на отца, такая же надежность, сила и честность, но без занудства и постоянного стремления воспитывать ее и переделывать по своему усмотрению. Кроме всего прочего, Николая искренне не интересовал отец, мало того, молодой политик подчеркнуто дистанцировался от магната и недвусмысленно дал Юлии понять, что если она хочет поддерживать с ним отношения, то Юрий Карлович должен знать об этом как можно меньше.

Юлия понимала: Николай тщеславен и честолюбив, желает быть самым собой, а не только мужем и зятем. В последний вечер, слегка выпив, Николай признался, что на следующих выборах собирается не возглавлять команду Президента, а выставить свою кандидатуру, даже пошутил:

– Юлия, если ты тронешься умом и рискнешь выйти за меня замуж, то можешь стать первой леди матушки-России.

Перед посадкой Юлия выпила бокал шампанского и вскоре уже стояла напротив очень молодого и чрезвычайно серьезного пограничника. Она часто бывала за границей и давно отметила, что российские пограничники самые серьезные и неулыбчивые парни в мире, а уж о том, чтобы русский страж границы пошутил, не могло быть и речи.

Юлия получила свой паспорт, подхватила чемоданчик, прошла через открывшийся турникет, когда услышала над головой радостный возглас:

– Юлия Юрьевна, какая радость! – Мужчина лет сорока, высокий, элегантный, со смеющимися глазами, забрал у нее чемодан. – Вижу, вы меня не помните. Я однажды был в вашем доме, знаком с матушкой и батюшкой.

Сначала Юлия взглянула на мужчину недоверчиво, но его искренняя улыбка, в особенности, что он назвал мать и отца старомодно и почтительно, внушили девушке доверие, и она улыбнулась.

– Признаться, не помню, – призналась Юлия. – Вы тоже из Парижа?

– Нет, я провожал друзей. У вас багаж или вы налегке? – Он слегка взмахнул чемоданчиком.

– Все здесь, я девушка не фасонистая, нарядов много не вожу.

– Великолепно, тогда мы воспользуемся депутатскими привилегиями, минуем любимую очередь. – Он увлек Юлию к боковому выходу. – Я провожу вас до вашей машины.

* * *

Валентин Нестеренко и Илья Карцев летели тем же самолетом, но отнюдь не первым классом, потому на пограничном контроле попали в небольшую очередь. Юлию они при выходе из самолета уже не видели. У бывших оперативников не было багажа, они сразу устремились по зеленому коридору на выход.

– Минуточку, господа! – остановил их молодой таможенник. – Вы уже прилетели, торопиться вам некуда. Это все ваши вещи? – Он сверлил их взглядом, кивнул на спортивные сумки.

– Как видите! – Илья тряхнул своей сумкой. – Желаете взглянуть?

Таможенник смотрел настороженно, на улыбку Ильи не реагировал.

– Были в Париже, и никаких подарков, сувениров?

– Молодой человек, – вмешался Нестеренко, – мы были в командировке, сейчас торопимся.

– Валюта, золото, драгоценности? – Таможенник разглядывал декларации.

– Там написано, – раздраженно ответил Илья.

– Я грамотный. – Таможенник медлил, сзади уже подходили люди, собиралась толпа.

Со стороны зала быстро подошел Крячко, сунул под нос таможеннику свое удостоверение.

– Извини, парень, они торопятся! – схватил Нестеренко за рукав, потащил за собой. – Она с багажом или без?

– Ручная кладь, – ответил Илья.

– Мать вашу! – Крячко оглянулся в поисках своих людей.

– Все на местах, Станислав, – тихо сказал подошедший Веткин.

– На улицу, проверять отъезжающие машины. Я слетаю к служебному выходу и сейчас буду.

Поиски результатов не принесли. Юлия исчезла.

Глава 4

Горстков сидел за столом своего домашнего кабинета, смотрел на расхаживающего Гурова и молчал.

– Безусловно, я совершил ошибку, неправильно оценил ситуацию, но я ее как не понимал, так и не понимаю. Я на все сто процентов убежден, что вашей дочери никакая опасность не угрожает.

Хозяин раздраженно поглядывал на не лишенного элегантности гостя, который спокойно расхаживал по ковру и философствовал, словно не человека похитили, а произошло пустячное событие.

– Почему вы не поставили меня в известность об инциденте, происшедшем в Париже? – Юрий Карлович непроизвольно копировал спокойный тон сыщика.

– Вы с супругой волновались бы, но повлиять на развитие событий были бессильны.

– Я бы приказал взять Юлию под руку и сопровождать до дома, – голос хозяина зазвучал резче.

– Допустим. – Гуров остановился у открытого бара, решая, выпить ему рюмку водки или воздержаться. – Допустим, ваша дочь в настоящий момент находилась бы дома. Я бы продолжал не понимать и недооценивать противника. Юлию бы увезли завтра или послезавтра. Они, кто бы эти люди ни были, совершили ошибку, поторопились. Мы установили приметы мужчины, с которым уехала Юлия, и знаем машину.

– Глупости, сегодня один исполнитель, завтра – другой, машину угнали, использовали и бросили.

Гуров тоже начинал раздражаться, если подобные глупости говорило начальство, сыщик указал бы на ошибки, поставил говоруна на место. Но данный человек обратился за помощью, платит деньги, как с ним разговаривать – неизвестно. Легко сказать – следовало взять девушку под руку и привезти домой. А что дальше? Не выпускать ее из дома или постоянно водить под руку? Противник засветил своего человека, судя по описанию, отнюдь не рядового. Угнали машину, использовали и бросили? Спрашивается, сколько задействовано людей? И кто эти люди? Использование угнанной машины – типичный почерк криминала, а проход через депутатский зал – действие спецслужбы, и внешность, манера держаться неизвестного – это спецслужба, никак не криминал.

– Что вы молчите? – не выдержал Горстков.

– Думаю, – ответил Гуров и начал вновь расхаживать по кабинету. – Что бог ни делает, все к лучшему. Какую цель преследует противник? Сегодня мы можем предположить лишь один вариант: вынудить вас совершить некое действие, которое вы совершать не хотите. Когда мы определим цель, то выяснится фигура неприятеля. Только устранение данной фигуры, а никак не освобождение вашей дочери, способно ликвидировать опасность и возможность рецидива.

– Усложняете, – категорически произнес хозяин. – Человек желает власти и денег, что практически едино. Они хотят сорвать с меня куш, так я готов заплатить и закрыть вопрос.

– А предвыборная кампания здесь ни при чем?

– Я не давал и не дам денег на предвыборную кампанию. Я знаю, что такие слухи существуют, но это пустые домыслы.

– Однако подобное совпадение более чем настораживает, – возразил Гуров. – Вы должны понять, вам противостоит не человек, не группа людей, а организация. Юлию вернут днями, зачем ее похитили – не имею понятия. Нельзя воевать, не зная противника и правил.

– Кто написал предупреждение? У вас существуют предположения?

– Два варианта. Человек является вашим союзником, либо он противник ваших недругов.

– Это одно и то же.

– Отнюдь, – усмехнулся Гуров. – Противник ваших врагов может быть и вашим противником.

– Не скажу, что вы много знаете и полны оптимизма.

– Сожалею, видимо, мое время прошло, пора уходить на пенсию. – Гуров помолчал, продолжал через силу, утратив присущую ему агрессивность: – Понимаете, Юрий Карлович, каждый человек живет и работает успешно в отведенном ему отрезке времени. Я начинал службу в розыске давно, когда были иные преступники, совершенно другая атмосфера в обществе. Все слишком быстро изменилось, возможно, я отстал. За вашу историю я взялся и доведу ее до конца. Но я не знаю вас, не понимаю вашей жизни, окружения, интересов, а объектом преступления являетесь вы, а не Юлия. Ваша дочь – лишь орудие преступления, но, не зная вас, мне трудно понять характер и замысел преступника. Финансы и политика, я разбираюсь в них на уровне дилетанта.

Горстков сидел почти неподвижно, ссутулив мощные плечи, опираясь на стол широкими ладонями.

– Очень мрачно, мне кажется, вы все усложняете. Финансы, политика лишь кажутся сложными. Людьюми в данных сферах движет первобытный инстинкт – стремление к власти.

– Да-да, – Гуров согласно кивнул. – Не обижайтесь, именно такое мышление я и называю дилетантским. Вы классный профессионал в своей области, но свои знания вы не можете передать мне, как я не способен свои знания передать вам. Чтобы достигнуть высот, не хватает человеческой жизни даже при наличии таланта, а вы хотите что-то объяснить, рассказать. Больно просто мыслите, магистр.

Гуров неожиданно рассмеялся.

– Ладно, опустимся на землю. Я убежден, дочку вам быстренько вернут, потому что в вас стремятся приобрести союзника, а не врага. Подобные фокусы мы проходили, не более чем бряцание оружием, показная игра мускулами, мы хотим все решить по-хорошему, на всякий случай знай, мы и такое можем.

Зазвонил телефон, хозяин быстро снял трубку:

– Слушаю!

– Папочка! Здравствуй, это я! Переволновались, наверное? Совершенно напрасно, я жива, здорова, и у меня все в порядке, домой приеду завтра.

– Юлия, что за номера? Куда ты девалась из Шереметьева? – Горстков пытался говорить сердито, но не мог с собой совладать и ликовал. – Где ты находишься? Немедленно домой!

Гуров слушал разговор по параллельному аппарату и кивал.

– Отец! Мне двадцать четыре года! В аэропорту я встретила приятеля, и он меня умыкнул. Смеюсь! Я на даче под Москвой.

Гуров прикрыл ладонью свою трубку и сказал:

– Спросите номер телефона.

– Хорошо, дочка, слава богу, что объявилась, как тебе позвонить?

– Здесь испортился телефон, потому не позвонила сразу, говорю из автомата. Целуй мать, завтра к обеду буду.

Горстков положил трубку и широко перекрестился.

– Кажется, она слегка пьяна. Лев Иванович, вы гений и пророк.

– Только профессионал. – Гуров взял давно стоявшую перед ним рюмку и про себя добавил: «Все, что говорила девчонка, есть ложь от первого до последнего слова. Кто же это все вытворяет и чего добивается?»

* * *

Десятого февраля, в субботу, Гуров собрал свою команду у себя дома. Станислав был этим недоволен.

– Лев Иванович, не дело превращать свой дом в конспиративную квартиру, – сказал он, когда все соратники собрались. – Мы вполне могли встретиться в нашем кабинете. Сочинить легенду...

– Не брызжи, Станислав, – перебил Гуров, – сегодня суббота, а ребятам надо выписывать пропуска. Какую легенду, кто в нее поверит?

– Твой адрес известен всем, такое собрание ветеранов не может оказаться незамеченным, – недовольно возразил Крячко.

– А что, бывшим ментам собраться в субботу и выпить по стаканчику уже непозволительно? – спросил Илья Карцев.

Геннадий Веткин, Григорий Котов, Валентин Нестеренко, Борис Гаврилов разместились на кожаном диване в гостиной, они были впервые у Гурова в гостях и оглядывались со сдержанным любопытством. Крячко и Карцев ушли на кухню. Хозяин сел верхом на стул, уперся подбородком в высокую спинку.

– Надо признаться, начали мы довольно слабенько, – сказал Гуров.

– Не стели мягко, Лев Иванович, – буркнул Нестеренко. – Начали мы просто хреново, хуже трудно придумать. Я с Ильей и в Париже лопухнулся, и в Шереметьеве обосрался. Извини, – он кивнул Гурову, – знаю, ты не любишь русский народный язык.

– Нормально, Валентин, говори, как тебе удобнее. Лично мне слов хватает. Станислав! Илья! Ходите сюда, мы не пить и есть собрались.

Несмотря на замечание хозяина, Крячко принес тарелку с бутербродами и бутылку водки, Карцев расставил стаканы. Когда водку разлили, то каждому досталось по глотку, опера глянули на порции презрительно, никто руки не протянул.

– Юлия вернулась домой неделю назад, мы не знаем, где она сутки находилась, кто увез ее из аэропорта и зачем. Вы битые сыщики, думайте, высказывайте любые бредовые соображения, только не молчите.

– Она боялась, что будет встречать отец, а встретил любовник, они смотались потихому, – сказал пацанистого вида Борька Гаврилов и отвернулся.

– Хорошо, что еще? – Гуров взял бутерброд, начал жевать.

– Мы наследили в Париже и в аэропорту, – сказал Нестеренко. – Не увидеть нас могли только слепые.

– Согласен, Валентин, потому сейчас ее временно оставили в покое. Но зачем ее увозили и куда?

– Лев Иванович, а ты не пытался с ней поговорить? – спросил Котов.

– Отец против, но дело не в нем, я считаю открытый разговор бесполезным, даже опасным, – ответил Гуров. – Гена, что у тебя по этому парню, с которым Юлия познакомилась в Париже?

– Виктор Вердин, двадцать семь лет, холост, проживает в однокомнатной квартире в Тушине, имеет «Жигули», употребляет в меру, водит девок, живет довольно скромно, торгует водкой якобы... Надо проверять. Что-то с ним не так.

– Лев Иванович, ты Юлию вблизи видел, ничего такого не заметил, она не наркоманка, случаем? – спросил Крячко. – Ведь в Париже девчонке наркотик вкололи.

– Не похоже, – ответил Гуров не очень уверенно. – У меня такая мысль мелькала, Станислав. Понимаешь, она девчонка спортивная, цвет лица, глаз. Можно проверить, но скорее – нет. И сейчас не это главное. Кто за ней охотится и чего добивается?

– Очень ты любопытный...

– И простой...

– Ребята, не до шуток, вы отлично знаете, просто так подобные вещи не происходят. – Гуров поднялся, прошелся по комнате. – Существует план, который мы не можем разгадать, так как мы не самые умные. Но понять, кто конкретно нам противостоит, мы тоже не способны?

– Не криминал, работает спецслужба, – решительно произнес Нестеренко. – Твои возражения, мол, спецслужба может засветиться и тогда скомпрометирует правителей, несостоятельны. Сегодня спецслужб множество, главное, можно допустить, что инициатор разработки и стремится скомпрометировать нынешнюю власть. И вообще, Лева, мне такая работа не по душе.

– А ты не поздно спохватился, Валентин? – спросил Крячко. – Поезд уже отошел, в нашем деле на ходу никто не выпрыгивает. Не принято.

– А вы, господин бывший полковник, четверть века занимались лишь делами душевными? – поинтересовался Борис Гаврилов и, сверкнув золотым зубом, по-блатному осклабился.

Гуров молчал, в разговор не вмешивался.

– Чего кидаетесь? Я что, попятился? – Нестеренко слил из одного стакана в другой, выпил двойную порцию. – Сказал, не нравится, противно, я политикой никогда не занимался. Но я сыскарь, впрягся, буду возок тащить. Ты спрашиваешь, Лев Иванович, с кем мы связались? Отвечаю. Со спецслужбой. Но действует она пока лишь своей агентурой. Потому не побоялась засветить парня в Париже и мужика в аэропорту. А другая пара в Париже из иной службы, они друг друга не знают.

– Молодец, Валентин, очень похоже. Имеется только маленькая такая неувязочка, – сказал Гуров.

– Знаю, ответить не могу! – Нестеренко длинно выругался. – Две службы в одно время уперлись в одного человека. Я тоже не верю в подобные совпадения.

– Вы, господа полковники, шибко умные, дайте дурачку сказать. – Илья Карцев провел ладонью по лицу, откашлялся. – Сегодня в нашей России творится бардак, и ваша логика тут не к месту, следует мыслить проще.

– Верно, Илья, урежь начальников, – усмехнулся Крячко. – Я твою мысль понял и поддерживаю. Правая рука не знает, чего творит левая. Одних кандидатов в Президенты около трех десятков набегает, тут никакого порядка и никакой логики. И нечего их искать.

– Допустим, – перебил друга Гуров. – У них может твориться что угодно, но мы должны ситуацию понимать. Валентин прав: у правящей верхушки денег в достатке, и Горстков правителям неинтересен. Но когда все покупаются и продаются, в спецслужбах могут находиться люди и других ориентаций.

– И в нашей ненаглядной ментовке стукачей не меньше, чем где-либо, нам надо сопеть и помалкивать, – заметил Генка Веткин, глядя на друзей сочувствующе. – Красиво живем, никому, падла, верить нельзя.

– У меня имеется человек, через которого я могу попробовать найти деятеля, утащившего девчонку из аэропорта, – сказал Гуров, имея в виду полковника контрразведки Кулагина.

* * *

Они встретились в скромном кафе, расположенном в одном из переулков, выходящих на Тверскую. Два полковника, почти однолетки, Гуров был на четыре года старше. И хотя один из них работал в контрразведке, а другой в милиции, сегодня они занимались практически одним делом – пытались хоть как-то унять организованную преступность, если не искоренить,

то хотя бы напугать коррумпированных чиновников. Они не дружили, но приятельствовали давно, порой работали по параллельным, даже перекрещивающимся делам.

Оперативники взяли по хилому салатику, куску мяса, минералку и кофе, чем разочаровали официантку, которая потеряла к нищим клиентам всякий интерес.

– Ты позвонил, значит, играешь белыми, ходи, – сказал Павел, который крайне уважал коллегу, был обязан Гурову продвижением по службе и лишь недавно стал обращаться к известному сыщику на «ты».

– Как сказал бы мой друг Станислав, неласковый ты, Паша, подхода к людям не имеешь. Я звоню, приглашаю на встречу, значит, мне чего-то требуется, ты должен мою задачу облегчить.

– Как здоровье, Лев Иванович, не нужно ли чего? Может, парочку государственных тайн выдать? – улыбнулся Павел.

– Не набивай себе цену, парочку тайн ты не знаешь, – ответил Гуров, протянув конверт. – А данного парня можешь знать.

Кулагин приоткрыл конверт, взглянул на фотографию Виктора, который познакомился с Юлией в Париже, вернул Гурову.

– Память хреновая стала, может, и видел, но не в своем коридоре.

Ответ следовало понимать, что Виктор работает в «конторе», но не у Павла, и говорить на данную тему контрразведчик не хочет.

– Ну нет так нет, – кивнул Гуров. – А вот такого мужика лет сорока ты, случаем, не знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.